

Виталий Новиков

Удача для оборотня

Роман

Виталий Новиков

Удача для оборотня. Роман

«Издательские решения»

Новиков В.

Удача для оборотня. Роман / В. Новиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749497-1

Лейтенант Пирогов преследует вора. Когда он его настигает, вор бросает ему пакет с деньгами, умоляя дать ему уйти. Роман написан в 2004—2005 годах.

ISBN 978-5-44-749497-1

© Новиков В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Удача для оборотня Роман

Виталий Новиков

© Виталий Новиков, 2016

ISBN 978-5-4474-9497-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Пирогов прибавил ходу, но сократил дистанцию ненамного, длинный молодой кавказец продолжать бежать очень быстро. Пирогов заметил, что убегающий кавказец сжимает в правой руке наполненный наполовину целлофановый пакет. Теперь было понятно, что от него надо было другому типу, тоже кавказцу, только более взрослому, который гнался за ним с криками «Стой!», «сволочь»: видимо, молодой украл или отобрал у него этот черный целлофановый пакет.

Лейтенант Пирогов и сержант Еременко находились на дежурстве. В одиннадцать часов вечера они вышли из отделения, и направились к одному из близлежащих домов, опустившаяся семейка алкоголиков Медведевых устроила в своей квартире шумное веселье, и уставшие от шума и криков соседи решили привлечь милицию, чтобы утихомирить правонарушителей. Поскольку дом, где жили Медведевы, находился в пяти минутах ходьбы от отделения, милиционеры решили пренебречь транспортом и направились к месту происшествия пешком. Они шли вдоль узкой безлюдной улочки, когда мимо них, вперед, пробежали, сначала молодой кавказец, а следом за ним другой, требующий первого остановиться. Пирогов среагировал мгновенно и кинулся вслед за убегающим. Это было похоже на хищнический инстинкт, когда в голове вертится только одна мысль «догнать и схватить», а все остальное отходит на десятый план. Тучный Еременко едва поспевал за Пироговым и начал отставать.

Убегающий кинулся во дворик, находившийся посреди трех высоких панельных домов на другой стороне улицы. Пробежав дворик, он выбежал к дорожке, которая вела вверх по невысокому склону, поросшему редкими деревьями к платформе железнодорожной станции. Молодой кавказец побежал в сторону платформы. Пирогов настигал кавказца, но очень медленно. Мелькнула мысль применить оружие, но Пирогов решил все-таки приложить последние силы, чтобы догнать беглеца. Он на мгновение обернулся назад. Еременко уже сильно отставал, а потерпевший кавказец и вовсе исчез из вида. Убегающий уже подбегал к ступенькам платформы, когда рядом с платформой остановил ход электропоезд, раскрылись двери и из вагонов начали выходить люди. У кавказца явно хватало времени добежать до дверей последнего вагона, и Пирогов прибавил еще больше ходу, хотя силы его уже были на исходе. Он быстро взобрался по ступенькам на платформу и бросился к последнему вагону, двери которого все еще были открыты, отгоняя шедших навстречу пассажиров словами:

– Дорогу, милиция.

Все-таки Пирогов успел ворваться в тамбур, где сразу же наткнулся на преследуемого. Тот сидел на полу тамбура у закрытых дверей и тяжело дышал. Увидев ворвавшегося Пирогова, он вскочил на ноги и кинулся ему навстречу, протягивая целлофановый пакет.

– На, возьми, забирай все, здесь очень много, этого тебе хватит надолго, только не в тюрьму, только не забирай меня, – взмолился кавказец.

Пирогов ничего не понимал, он взял пакет, слегка приоткрыл его и увидел несколько пачек долларов.

– Забирай это, только ради Бога оставь меня. Беги, пожалуйста, пока двери не закрылись, – снова взмолился кавказец.

Действительно, двери все еще были открыты, и Пирогов решил, длинным прыжком выпрыгнуть из тамбура на платформу. Едва он оказался на платформе, как двери закрылись, и электропоезд начал набирать ход. Пирогов прижал к животу обеими руками пакет, только теперь он почувствовал, насколько тот увесист. Он быстро огляделся: платформа была пуста, но в районе края платформы слышались звуки чьего-то дыхания и шагов. Пирогов предположил, что это Еременко. Нужно было быстро принимать какое-то решение. Около железной

оградки возвышалось невысокое дерево, окруженное густым кустарником. Пирогов сделал шаг к оградке и кинул пакет в сторону кустарника, стараясь попасть в его гущу.

– Где он? – послышался голос Еременко, взбирающегося по ступенькам на платформу.

Пирогов подождал пока запыхавшийся Еременко подошел ближе к нему, после чего ответил:

– Ушел.

– Он мог успеть запрыгнуть в электричку.

– Мог, но не решился, видимо испугался, подумав, что я мог бы его там настигнуть. Он прыгнул с платформы и убежал в ту сторону, – Пирогов показал рукой в сторону противоположной платформы. – У меня уже не хватало сил за ним бежать.

– Он тоже мог выдохнуться, пойдем, посмотрим: может быть он залег под каким-нибудь кустом, упав от усталости, – предложил Еременко.

– Хрен с ним, не могу я уже никуда идти, очень устал, – отказался Петров.

– У него могли быть бабка.

– Ну и что?

– Как, ну и что: при удачном раскладе мы могли бы не хреново пожить.

– Он ушел, это точно.

– Ты уверен?

– Конечно, здоровый гад попался.

– Ладно. Но он мог выронить или выбросить краденое. Пойдем хотя бы немного посмотрим там, где он бежал.

– Степаныч, хорош заниматься ерундой, пошли обратно.

– Эх, ленивые вы все молодые, не любите работать основательно, – проворчал Еременко.

– Пошли обратно.

Пирогов думал о том, как можно было бы избавиться от присутствия рядом с собой Еременко, но не нашел для этого предлога. К тому же по поведению Еременко он понял, что если бы он решил этот вопрос, то тем самым мог бы вызвать у того серьезные подозрения.

Лейтенант Пирогов был старше по званию, но значительно моложе сержанта Еременко. Ему было всего двадцать семь лет. Он был хорошо сложен, чуть выше среднего роста, имел приятные черты немного узкого лица, густые темно-русые волосы он зачесывал на бок, и уже долгое время носил усы. Еременко также был усат и зачесывал темные волосы на бок, но во всем остальном сильно отличался от Пирогова, что касалось внешних данных. Он был среднего роста, полноват, ходил по-медвежьки вразвалочку, от чего казался неуклюжим. Выглядел много старше своих неполных сорока восьми лет.

Поскольку Пирогов был старше по званию, Еременко следовало подчиняться ему, и он не стал перечить его решению. Не спеша, уставшие от бега они направились обратно в отделение. Еременко не давали покоя некоторые мысли, и ему захотелось поделиться ими с Пироговым:

– Эх, молодежь, не думаете вы о старости, а она подкрадется так, что и глазом не успеешь моргнуть. Вам бы чего – нарезать бы вволю, да нагуляться бы всласть, а о будущем, о старости и подумать некогда. Это все известно, у многих так складывается. Я же и сам был таким раздолбаем, ни о чем правильном не думал, не хотелось- хотелось жить всласть, с размахом, легко. Эх.

Пирогов не понимал, к чему клонит Еременко. Его мучили, душили мысли о пакете с долларами, и от этого на душе было очень беспокойно. Ему хотелось вернуться к платформе, к тому месту, куда он бросил пакет, забрать его и уйти с ним куда-нибудь, где он мог бы остаться какое-то время наедине, чтобы можно было спокойно подумать, что с этим добром делать. Но он понимал, что это желание невозможно реализовать в эту минуту, при этих обстоятельствах. Необходимо было забрать пакет таким образом, чтобы никто этого не заметил, или

хотя бы не заподозрил в этом ничего криминального. Потом новая мысль заставила Пирогова не на шутку испугаться и невольно вздрогнуть. Он подумал о том, что точно ли он запомнил место, куда он бросил пакет. Эта было гуща кустарника, росшая вокруг дерева. Но там было, кажется, четыре дерева и очень много кустов между подъемом на платформу и будкой кассы из красного кирпича. То дерево, кажется, было ближе других к кассе. Или второе от кассы? Впрочем, это не важно – можно проверить одно и другое. А сколько денег лежит в пакете? Вот вопрос. Тысячи три или пять? Судя по весу гораздо больше, если в пакете только деньги. А вдруг деньги окажутся фальшивыми? Вот будет обидно. Пирогову не хотелось в это верить. Он вспомнил вора кавказца, который отдал ему пакет; его испуганное лицо. Конечно, он боялся наказания за кражу нескольких тысяч долларов, хотя и за распространение фальшивых денег тоже можно получить срок. И все же, если бы там были фальшивые деньги, беглец мог бы их просто выкинуть, а он держал пакет у себя до самого последнего момента. Это говорило о том, что деньги, скорее всего, настоящие. Лишь бы их не обнаружил кто-либо еще. Пирогов подумал, что какой-нибудь бомж вполне мог бы обнаружить пакет, благодаря какому-нибудь нелепому стечению обстоятельств. Эта мысль всерьез встревожила Пирогова. Какой образ жизни предпочитают бомжи ночью: активный или же чаще всего спят, как и все?

Еременко как будто заметил эти внутренние терзания Пирогова.

– Володь, о чем задумался? Переживаешь из-за этого хачика? Понимаю, обидно. Я был уверен, что ты его догонишь. Эх, мне бы сейчас твои годы, и оказаться на твоём месте, я бы не упустил его, стрелял бы, но не упустил. Я нутром сразу почуял, что этого хачика можно было хорошо потрясти. Сам же ведь видел как он бежал, и не с пустыми руками. Неизвестно, что еще у него там было. Может быть золото, может быть бабки.

«А ведь Еременко поступил на моем месте, скорее всего, точно также как и я, – подумал Пирогов. – И ему можно все рассказать. То, что он не сдаст – это сто процентов. Только придется с ним поделиться. Это мысль. Но ведь обстоятельства так удачно сложились для того, чтобы все досталось мне, и надо быть идиотом, чтобы этим не воспользоваться. Нет, лучше пока ему ни о чем не говорить. В моем положении надо быть очень осторожным и прежде чем принять какое-нибудь решение, следует сто раз все взвесить».

Они проходили через дворик, через который убегал кавказец. Пирогов молчал, ему хотелось тишины, чтобы можно было спокойно подумать о случившемся, но Еременко как назло продолжал свою навязчивую болтовню.

– Тебе то, Володь, конечно особенно можно не расстраиваться, ты еще молодой, тем более на оперативной работе состоишь, ты еще таких наловишь, знаешь сколько? А мне теперь каждая минута дорога, каждая секунда. Скоро на пенсию, а что я буду делать на пенсии без капиталов. Были бы капиталы, я бы себе новую дачку построил, хозяйство завел; получал бы тогда пенсию и с хозяйства кое-чего имел бы. Тогда можно было бы еще жить. Мой тебе совет, Володь, пока молодой, откладывай на будущее, чтобы потом поздно не было. Я тебе зла не посоветую, вижу, парень ты смысленный, соображалка работает исправно.

Еременко, наконец, обратил внимание на то, что Пирогов слишком долго молчит. Это показалось ему несколько подозрительным. Еременко полагал, что поднял разговор на довольно-таки интересную тему, и то, что Пирогов никаким образом не реагировал на это, ему было не понятно.

– Вов, ты что все молчишь? Что-то случилось? – решил поставить вопрос напрямую Еременко.

Этот вопрос ввел Пирогова в замешательство. Еременко заметил, как он нервничает, как он пытается что-то ответить, но видно не может от волнения собраться с мыслями. Они уже вышли на улицу, по которой направлялись к месту вызова.

– Степаныч, смотри, – тихо обратился к Еременко Пирогов, указывая вперед, где в метрах семидесяти от них у обочины стояла машина иномарка, около машины со стороны тротуара

стоял человек и общался через открытую переднюю дверцу с кем-то, кто находился внутри салона машины.

Еременко посмотрел в указанную сторону.

– Ну и что? – сказал он.

– Это же тот самый, который бежал за этим, которого мы упустили, – объяснил Пирогов.

– Точно, – сказал Еременко.

– Что будем делать? – спросил Пирогов, хотя этот вопрос должен был решать он, а не Еременко.

– Подойдем, поспрашиваем, выясним, что произошло, – деловитым тоном ответил Еременко, ему нравилось, когда к нему за советом обращались старшие по званию, полагаясь на его опыт.

Пирогов не знал к добру или не к добру такое общение, после того что произошло, но уклоняться от контакта с этим типом было бы очень подозрительно с его стороны, и он сделал вид, что согласился с Еременко. До машины оставалось метров двадцать, когда тип, с которым они хотели пообщаться, заметил их и сразу же узнал в них преследователей того парня, которого сначала преследовал он сам. Это можно было понять по его сосредоточенному взгляду. Он застыл на мгновение, явно что-то очень быстро соображая, после чего резко запрыгнул в машину и захлопнул за собой дверцу.

– Эй, подожди! – крикнул Пирогов.

Но было уже поздно. Машина резко развернулась, и быстро набирая скорость начала удаляться. Пирогов и Еременко даже не пытались как-нибудь задержать или остановить этого типа. Его странное поведение так удивило их, что они оказались в некотором замешательстве. Они даже остановились на какое-то время, провождая не понимающими взглядами удаляющийся автомобиль. Пирогов был удивлен больше чем Еременко.

– Чего это он? – выразил вслух он свое недоумение.

У опытного сержанта Еременко соображалка работала более активно, и у него уже возникли кое-какие соображения по поводу увиденного, которыми он тут же поделился с Пироговым:

– Это он неспроста. Тот малый определенно что-то у него своровал, либо причинил какой-то вред другим образом. Но к нам за помощью этот пострадавший явно не пожелал обращаться. Спрашивается почему? Либо он не хочет перед нами засвечивать то, что у него украли или тот вред, который ему причинили; либо ему самому нельзя засвечивать перед нами собственную личность.

– Ну, ты, Степаныч, гений. А я как-то сразу и не допер, – удивился сообразительный Еременко.

– Опыт, сынок, опыт. Опыт – это большое дело. Ты почаще слушай меня, я тебе зла никогда не желал бы и не пожелаю. Вижу же, что похожи мы чем-то с тобой и ты для меня как сын родной. А то, что я так складно весь расклад расписал, так я же сталкивался уже с такими случаями не раз. И у тебя будет опыт, и у тебя со временем голова сама автоматически будет все расклады выдавать.

Они снова двинулись к отделению.

– Эх, Володя, если бы соединить мой опыт и твои возможности, сколько гор мы бы с тобой посворачивали бы – это же представить страшно. Вот только как это сделать? Нужно будет этим заняться посерьезней, – продолжал делиться своими мыслями Еременко.

«А ведь это хорошо, что этот потерпевший не обратился к нам за помощью. Хорошо для меня. Иначе он мог бы дать нам какие-нибудь данные того беглеца, возможно даже, что полные данные, если бы он был хорошо с ним знаком. Тогда бы этого беглеца можно было бы найти, и тогда, возможно, станет известно о моем корыстном с ним контакте. Конечно, я могу все отрицать. Но все же для меня теперь важно, чтобы этого беглеца не нашли. Милиция его

искать не будет. Пока, во всяком случае. А этот тип и компания, конечно же, будут охотиться за ним очень серьезно и это плохо, потому что, судя по всему это люди серьезные. Получается, что моя судьба в какой-то степени находится в их руках. Впрочем, об этом пока рано говорить, ведь я еще не завладел по-настоящему этими деньгами и даже не знаю какая сумма лежит в том пакете», – всерьез задумался о собственном положении Пирогов.

– Скрытный ты, Володька, скрытный страшно. Все о чем-то думаешь, а мне ничего не рассказываешь, – пожурил по-отечески Пирогова Еременко.

– А что рассказывать-то? – спросил Пирогов.

– О чем думаешь.

– Я вот о чем думаю. Это же ведь какие-то бандиты. Они же наверняка будут сами искать того парня, которого я не догнал. И как ты думаешь, большие шансы у них поймать его?

– Конечно. Каналы у них, наверное, хорошие. Могут и нашего брата подключить к поиску. Но все равно с нашими возможностями их силы не сравнить. Государство есть государство. Сколько его не разваливай, тягаться с ним все равно не имеет смысла. А что бандиты, мафия – конечно, есть у них и сила и деньги. Но ведь они же постоянно под нашим прицелом ходят, и валят они друг дружку очень часто – долгожители попадают в их рядах очень редко. В принципе, у этого парня шансы где-то пятьдесят на пятьдесят на то, что его не поймают. Много, конечно, зависит от того, за что его хотели поймать и от его личных способностей; если он какой-нибудь debil, то, соответственно, вычислять его очень быстро.

– Степаныч, а мы нашим расскажем про все это? Или не стоит?

– Володь, запомни железное правило: язык – враг твой. Это правило особенно полезно для таких людей как мы, занимающихся серьезными делами. Сам подумай, что будет, если мы все расскажем. Может быть посмеются над нами, потому что не смогли задержать преступника; может быть заподозрят в какой-нибудь корысти.

– В какой еще корысти?

– Обыкновенно людской. Подумают, что про погоню эту мы рассказали так, для страховки, а сами на самом деле обули этих хачиков и не хотим делиться.

– Обули?

– Конечно, ты что разве не знаешь как это делается?

– В общем-то нет, – после недолгой паузы ответил Пирогов.

– Ой, лис, ой лис. А вообще правильно – так и надо. Я тебе о том и говорил, что язык – это наш враг. Но я же говорил о нас только предположительно.

– Хорошо, я все понял. Значит, ничего никому говорить не будем. Я в принципе так и думал поступить.

– А я и не сомневаюсь в этом. Я же сразу понял, что ты парень башковитый.

– Черт, вот идиоты, – выругался Пирогов.

– Что такое?

– Да прошли дом Медведевых, я и забыл про вызов, вот память.

Они уже почти дошли до отделения.

– Ну что, пойдём к Медведевым, или скажем, что все нормально? Что посоветуешь, Степаныч? – спросил Пирогов.

– Можно, конечно, сказать, что все нормально. Но лучше, наверное, зайти, а то соседи снова могут позвонить, тогда придется все равно идти, – посоветовал Еременко.

И они пошли к Медведевым.

– Володь, если захочешь, я там и сам все могу разрулить, ты только начни, а дальше я один все улажу, – предложил Еременко.

Так и сделали. Квартира Медведевых находилась в длинном шестнадцатиэтажном блочном доме. Жили они на втором этаже. Дверь, обитая черным дермантином, который в нескольких местах был нещадно порван, уже многое говорила об образе жизни обитателей этого

жилища. Пирогов позвонил в звонок двери. Дверь открыла женщина плохо одетая, плохо выглядевшая, о возрасте ее можно было только догадываться. Пирогов представился и объяснил вкратце, цель визита. После чего инициативу в свои руки взял Еременко. Он попросил у Пирогова как у старшего по званию по всей форме специально при хозяйке самолично быстро уладить все вопросы. Пирогов дал добро и вышел из квартиры на лестничную площадку. Ему не хотелось находиться внутри этого приюта для местных отбросов общества, к которым он не питал ни капли жалости, так как считал, что в душе каждого такого опустившегося типа можно отыскать столько тупости, злости, подлости, сколько не наберется душе любого преуспевающего негодяя. Он слегка прикрыл за собой дверь и закурил сигарету. Шум в квартире немного стих, были слышны отзвуки голоса Еременко, какие-то то ли шлепки, то ли удары, потом стало совсем тихо. И через минуту вышел Еременко, держа в руке целлофановый пакет, в котором характерно звенело.

– Вот, конфисковал, – сказал Еременко и приоткрыл немного пакет, показав три бутылки водки. – Конфисковал можно сказать как орудие преступления. Поучил немного – теперь сутки точно здесь будет тишина и покой. Водка конечно паленая, но я полагаю не смертельно опасная.

– Для них может и не смертельно опасная. Этим мутантам все уже нипочем, а нормальным людям кто его знает, – возразил Пирогов.

– Может быть, может быть, – почти согласился Еременко, но водку принес таки в отделение.

Дежурный майор Ткачук и старшина Мальков, изрядно поседевший и худой, одного возраста с Еременко, были другого мнения о добытом Еременко трофее. Пирогов удивлялся, как можно пить такую гадость, закусывая кусочками пирожков и булочек, карамельными конфетами и запивая газированной водой «Буратино». Предлагали выпить и ему. Особенно этим доставал его Еременко, с которым он играл в нарды. Из уст Еременко шел такой жуткий запах, что Пирогов старался побыстрее проиграть так, чтобы Еременко не заметил, что он делает это специально, чтобы можно было скорее выйти на улицу, на более чистый воздух. Пирогову удалось удачно подыграть Еременко, так что тот сделал быстрый «марс». Освободившись, Пирогов тут же вышел на улицу.

Около отделения было тихо. Этот спальный московский район обычно замирал ночью, особенно в том месте, где находилось отделение, рядом с которым расположились в основном малоэтажные общественные здания. Пирогов расстегнул несколько верхних пуговиц рубашки и закурил. Была теплая августовская ночь, небо было черным беззвездным, вокруг ни одной живой души. Пирогов, оказавшись в одиночестве, вновь принялся думать о пакете. Мысль, что он теряет драгоценное время, не давала ему покоя. Разум вроде бы подсказывал, что ночью вряд ли что-то может произойти с пакетом в таком месте, но с другой стороны, мало ли что, ведь в Москве находится столько народа. Потом Пирогову пришла в голову еще более неприятная мысль: он вспомнил, что в городе в последнее время улицы и дворы убирают специальные бригады в оранжевых жилетах, как правило гастарбайтеры. Наверняка они убираются и около железнодорожных станций. Впрочем, это могут делать и служащие железной дороги. Пирогов понял, что это все вполне реально, и он задумался о том, как бы узнать, во сколько начинают работать эти службы. Ему вспомнилось, что он часто видел дворников за работой в ранние утренние часы. Значит, у него оставалось мало времени, а лучше всего было бы отправиться за пакетом немедленно. Он быстро прикинул, что если будет идти быстрым шагом, то на путь железнодорожной станции и обратно он не должен затратить более получаса, и за это время придумает какое-нибудь объяснение своего отсутствия, если его будут искать. Решившись идти за пакетом, Пирогов начал спускаться по ступенькам с крыльца отделения.

– Володь, ты куда? – неожиданно Пирогов услышал позади знакомый голос.

Пирогов обернулся и ответил, выглядывающему из-за двери Еременко:

– Да ни куда, просто захотелось пройтись по свежему воздуху, надоело в духоте сидеть.

– Свежий воздух это хорошо, это правильно, – Еременко полностью вышел из-за двери и направился к Пирогову. – Слушай, Володь, чтой-то мне твой вид не нравится, смурной какой-то, нездоровый. Что-то случилось?

– С чего ты взял, Степаныч?

– С чего взял? С чего взял? Я же все вижу. Пойдем к скамейке, поговорим: есть у меня к тебе серьезный разговор.

Еременко взял Пирогова за руку чуть выше локтя и повел к скамейке. Пирогов насто-рожился, ожидая от Еременко какого-нибудь неприятного сюрприза, и с трудом нашел волю, чтобы никоим образом не проявить собственные эмоции. Они остановились около скамейки.

– Значит, тема такая, – начал Еременко, деловито прикурив сигарету. – Только давай, Володь, прямо без всяких выворотов и уверток, не люблю я, когда начинают из себя целочек строить. Если я не ошибаюсь ты, Володь, у нас уже полгода отработал. Так?

– Так, – подтвердил Пирогов.

– Небольшой срок, хотя с какой стороны поглядеть. Вот ты мне скажи на чистоту: доволен ты работой или как?

– Доволен.

– Правильно: свою работу надо любить, а то по-другому и работать, то совсем не интересно получается. А помимо оклада много хоть поднять успел?

– Не понял?

– Да все ты понял, Володь, ну только мне сказки не рассказывай, про всякие там служения идеи, про мечты очистить этот мир от уголовной мрази, про прочий бред. Не верю я в это. Не верю я, что ты, Володя, такой дурачок. Я же сразу понял, что ты парнишка смышленный.

– Ты пьян, Степаныч, – сказал Пирогов, и хотел было развернуться и уйти, но Еременко поймал его за руку и развернул лицом к себе.

– Не торопись, Володь, я еще не все сказал. Ты что не можешь сказать просто: было чего или не было.

– Ну, не было.

– Точно? Не врешь? Да ты не таись, я тебя не сдам, поверь: ты мне нужен при деле, при работе.

– Да что ты пристал, Степаныч, что значит «тебе нужен»? Ты чего себе позволяешь? Отстань ты от меня.

– Не обижайся, Володь, успокойся. Прости, если что-то не так сказал.

– Ладно, все, закончили, пошли отсюда. Не нравится мне твоя тема, – начал выходить из себя Пирогов.

– Подожди, Володь, дослушай меня, я же тему то так и не рассказал.

Но Пирогов уже развернулся и собрался уходить.

– Ах, ты так. Тогда я могу дело совсем по-другому повернуть, – странно пригрозил ему Еременко.

Пирогов остановился. Он не мог понять, что означала эта угроза Еременко: нечто реальное или блеф. Еременко непрозрачно все твердил и намекал на темные дела. С чего бы это? Пирогов вспомнил, что был несколько раз замешан в незначительной мелочевке, но по этим делам он ни разу не пересекался с Еременко. Мог ли как-то Еременко узнать об этих делах? В принципе, конечно, мог: кто-то знающий запросто мог рассказать об этом Еременко по пьяни или по старой дружбе. А Еременко пил и дружил со всеми, кто работал в отделении. То, что Еременко мог что-либо узнать о пакете с баксами, Пирогов отмел сразу, полагая, что в таком случае Еременко давно бы «взял его за горло».

– Как? – Пирогов решил продолжить этот странный разговор, поставив прямой вопрос, тем самым пытаясь добиться того, чтобы Еременко, раз уж он решил его пугать чем-то, выложил, что он имеет конкретно без всяких намеков.

– Ну что ты так сразу резко повернул? Обиделся, что ли? Ты прости меня, если я что-то не так делаю – старый становлюсь. А на старость, братец, положено скидку делать. Просто хотел я с тобой душевно поговорить, вот и все, – увильнул от ответа Еременко, дружески обнял Пирогова и повел к скамейке. Сел на скамейку. Пирогов сел рядом с ним. Смягченный тон Еременко несколько успокоил его.

– Я же по-хорошему, я же помочь тебе хочу, – начал как обычно издали Еременко. – Как я понял, ты, Володь, ничем непристойным не занимался, глупостей никаких не совершал. Ну и правильно, ну и молодец. Ну, а если с другой стороны подойти, то что же получится. Ты сам посуди – работа ведь у нас не сахар. Особенно у тебя, хотя у тебя и звание выше чем у меня, так и достается тебе от начальства побольше, чем мне. И клиентура у нас та еще, отнюдь не интеллигенты, не тихие граждане, постоянно приходится ухо держать востро, чтобы не получить заточку в бок. И сколько мы за такую работу получаем? Да за такие деньги, Володя, мы не имеем права работать честно, скажи еще, что я не прав. Прав, сто раз прав. И нет сейчас таких идиотов, готовых прыгать под пули за одно только большое спасибо. Просто нет. А те кто говорят, что они чистенькие – врут. Ладно врут, так они еще чаще всего поступают со своими братьями, товарищами – прикидываются честными, а сами втихаря мутят свои дела в одиночку, чтобы не делиться ни с друзьями, ни с начальством. Это, Володя, самый хреновый вариант, никогда так не делай. А что касается того, что когда я тебя спросил по поводу левака, ты ответил, что ничего такого не делал, я готов тебе пока поверить и знаешь почему? Потому что еще пока слишком мало работаешь в нашей замечательной организации. И если на самом деле так оно и есть, то это значит, что ты правильно себя поставил. Это же только идиоты умеют только придя на оперативную работу сразу начать хапать ртом и жопой. Идиоты. А ты молодец: пришел, осмотрелся, пообтерся с людьми, никуда не торопишься – это правильно. А когда придет время дела делать, нужные люди сами к тебе подойдут, подскажут где, как, чего и зачем. В общем-то, как ни странно, я к тебе как раз по этой теме.

Пирогов удивленно посмотрел на Еременко.

– А что ты на меня так смотришь? Тебе что лишние деньги не нужны? Ладно, допустим, хрен с тобой, но о близких то ты собираешься заботиться, я так думаю, что они у тебя, скорее всего, не миллионеры. Или ты так и будешь до конца дней своих на шее у мамы и папы сидеть. Не получится, Володя, не получится. Дело у меня такое. Есть у меня двое знакомых: один армянин барыга, другой – наш русский барыга, лох. Первый недавно открыл свой бизнес, второй только собирается. Причем оба в свободном полете – ни под кем ни ходят, а так нельзя. Надо будет крышануть их, я с ними уже общался, сделал несколько намеков, они оба на нашей территории находятся, – наконец выложил свой план Еременко.

– Ты что, рассмешить меня решил, Степаныч? – Пирогов даже изобразил что-то вроде усмешки.

– Нет, Володь, мне не до шуток. Я уже с некоторых пор успел стать очень серьезным человеком. Сейчас такое время, когда принято жить по принципу: время – деньги. А против времени не попрешь. Против времени прут только дураки, а умные пытаются найти со временем общий язык, чтобы хорошо жить. Поверь моим годам. Решайся, Володя, ты уже взрослый мужик, и тебе уже пора становиться настоящим мужиком, а настоящих мужиков без бабок не бывает.

– Да, что я должен делать то? – спросил с некоторым возмущением Пирогов.

– Вот. Это хороший вопрос. Понимаешь, с моим званием как-то не с руки этих лохов разводить на серьезные темы, а ты же ведь офицер. Вот ты то и будешь их разводить, а я буду на подхвате. Бабки поделим по честному поровну.

– Степаныч, ты что, под монастырь решил меня подвести?

– Ты что, испугался? Я же тебе объясняю: свободненькие они – грех не воспользоваться таким случаем.

– Ты что, Степаныч, не понимаешь, что кроме нас есть специалисты по наладке крыш с большим опытом и покруче чем мы. А что если они наедут на этих твоих бизнесменов, ты что собираешься на стрелки ездить, отношения с ними выяснять. К тому же я вообще всего лишь лейтенант.

– Это ничего. Лейтенант этот тоже неплохо, главное, что офицер. А если наедут, выкрутимся – мозги то, что надо.

– Как?!

– Да скажем, что никакого отношения к ним не имеем и все, а если шушера какая-нибудь попадется, покажем, кто мы есть, мало кто захочет связываться с ментами.

– А если ментовская крыша заявится?

– Еще лучше. Скажем, что это наши друзья, выкрутимся. С нашими-то как раз легче всего будет добазариться. Понимаешь, в деле крышевания главное вовсе не выручка или защита клиента, просто клиент платить для того, чтобы его не трогали.

– И хочется тебе, Степаныч, с огнем играть?

– Да не трусь ты, Володь. Если все делать по уму, все будет в порядке. Главное язык держать за зубами. Надо уметь говорить с людьми, уметь брать бабло грамотно. А в случае какого-нибудь шухера всегда можно от всего отказаться, откреститься – мы ничего не знаем, ничего не делали, ничего не слышали. Да я тебя, Володь, научу всему.

– Спасибо, конечно, Степаныч, за заботу. Но я даже не знаю, что тебе ответить.

– Значит, согласен.

– Ну, нет, ты чего? Не гони лошадей. Если честно, не нравится мне твоя тема.

– Ты что, с ума сошел? Я же дни и ночи разрабатывал этот план. Не поверю, что молодому пацану не нужны бабки.

– Нужны, конечно, но не таким способом.

– Ты уверен?! – у Еременко был такой вид, что казалось, что он готов вцепиться в горло Пирогову.

– Ну да, кажется, – Пирогов постарался ответить как можно неуверенней, чтобы сильно не злить Еременко.

– Володь, вот я смотрю сейчас на тебя, и думаю, может зря я поверил тебе, может ты мне сказки рассказываешь о своей незапятнанной репутации, а на самом деле втихаря, в одиночку делаешь свой левачок и в ус не дуешь. Не хорошо, Володя, так поступать, нельзя от коллектива отрываться – это грех большой.

– Да не делаю я никакой левачок втихаря, что ты ко мне пристал, Степаныч! – возмутился Пирогов.

– Не делаешь, говоришь, а в милиции нравится работать. За большое спасибо что ли, нет так, Володя, не бывает, не поверю. Старый я уже, знающий.

«Вот прижал, так прижал», – подумал про себя Пирогов.

– Да что ты пристал, Степаныч. Деньги, деньги. Ты помешался, что ли окончательно на деньгах. Думаешь, что и другие только о деньгах и думают.

– Конечно о них, о чем же еще. А ты для чего тут работаешь?

– Может просто прикалывает меня эта работа.

– Ох, не свисти. Ну не бывает такого.

– Почему?

Еременко так посмотрел в глаза Пирогова, что тому сразу стало ясно, что этим ответом было бы смешно отделаться от такого бывалого мента.

– Конечно и мне не хватает денег. Может быть при хорошем варианте я не против был бы поменять работу. Хотя у нас хоть какие-то льготы есть, бесплатный проезд тот же.

– Володь, только давай не будем про бесплатный проезд. Это не актуально.

– Не знаю, Степаныч, я не готов.

– Если не готов, то, как понимаю, категорически ты не отвергаешь мой план.
Пирогов задумался.

– Может быть, – туманно ответил он.

– Любишь ты юлить, Володька, обижаешь старика.

– Степаныч, ты тоже пойми меня, не могу я сразу принять такое решение, перед этим как следует не подумав.

– В этом деле, Володя, долго думать нельзя.

– Все же я хочу подумать. Не люблю обещать невозможное.

– Ладно, думай, только побыстрее, время то не ждет.

– Постараюсь, – сказал Пирогов, встал со скамейки и направился к отделению.

– Володь, ты, кстати, в курсе, что в принципе этого-то разговора между нами не было, а говорили мы о всякой ерунде: о бабах, о машинах, – обратился к уходящему Пирогову, поднимающийся со скамейки Еременко.

– Разумеется, – небрежно ответил Пирогов.

В коридоре Пирогов натолкнулся на шедшего ему навстречу старшину Малькова, который сильно шатался и напевал известный мотивчик:

Билетик в кино!

Вот такое кино!

Кино!

Когда Мальков скрылся за дверью туалета, Пирогова догнал Еременко, остановил и развернул его к себе лицом.

– Володь, а все-таки мне кажется, что ты что-то от меня скрываешь. Признайся, ведь замутил что-то, а говорить не хочешь. Я по своему опыту знаю, что одному работать опасно – легче погореть. Так что лучше поскорее вводи меня в курс дел – вдвоем будет тебе сподручнее и безопаснее, – сказал Еременко, не моргая, глядя в сонные глаза Пирогова.

– Ты пьян, Степаныч, – Пирогов пошел дальше.

– Я то пьян, а вот ты, Володенька, почему-то трезв. Нет, я знаю, что ты не алкоголик, но обычно редко отказывался прежде выпить с товарищами, выпить так, хотя бы чисто символически, для поднятия боевого духа. Это странно, – Еременко шел следом за Пироговым.

– Степаныч, что на тебя сегодня нашло. Ты что нарочно стараешься меня разозлить?

– Разозлить не пытаюсь. Я понять не могу, почему ты постоянно уворачиваешься, из-за чего бы это? Я ведь могу разговор с тобой по-другому повести.

– Это угроза?

Еременко не ответил.

После этого этот неприятный для Пирогова разговор закончился.

Пирогову казалось, что эта ночь тянется невыносимо долго. Он играл в нарды с Еременко и думал о том, что можно было предпринять, чтобы смыться с дежурства хотя бы до шести утра. Ничего оригинального в голову долго не приходило. Предложить пузырь Ткачуку? Реально, но это может вызвать подозрения у неумного Еременко, взявшегося ни с того ни с сего опекать его и без конца лезть в душу. Нужно было какое-нибудь нестандартное решение. И Пирогов все-таки кое-что такое придумал. Доиграв очередную партию, Пирогов обратился к Еременко:

– Степаныч, давай отойдем на пару минут у меня к тебе разговор есть.

– Надеюсь деловой? – моментально отреагировал Еременко.

– В каком-то смысле.

Они вышли в коридор.

– В общем, Степаныч, я немного подумал над твоими идеями, и они мне показались интересными, – начал Пирогов.

– Начать можем завтра, точнее сегодня, – перебил его Еременко.

– Не торопись. Я еще не сказал окончательное «Да», но, скорее всего, соглашусь, потому что ты конечно прав насчет денег: за такие деньги нельзя работать честно. Но сначала я хотел бы попросить совета и помощи.

– Выкладывай.

– Понимаешь, мне позарез нужно, где-то уже в половине шестого, не позже, смыться отсюда, а я не знаю, как бы это лучше сделать?

– Зачем это тебе?

– Ну, надо.

Еременко хитро прищурил глаза и задумался.

– Степаныч, получается, если тебе что-то от меня понадобится, так я тебя и выслушаю и помогу, а ты молчишь, – сказал Пирогов.

– Значит, будешь работать по моей теме? – спросил Еременко.

– Конечно, будем, только сейчас мне не до этого.

– Это совсем другой разговор. А куда ты в такую рань лыжи наострил? Случилось что ли что-то?

– Да так ерунда, но надо, очень.

– Ладно тебе юлить, Володь, мне можешь говорить что угодно: я никому не скажу.

– Короче, мне надо успеть на вокзал. Девушка моя уезжает сегодня ранним рейсом. Понимаешь, поссорились мы, наговорил я ей всякой ерунды, а теперь жалею. Сначала вроде бы рад был свободе, а сейчас понял, что должен обязательно увидеть ее и попросить прощения, иначе я могу потерять ее навсегда.

– Одумался, получается.

– Ага.

– А она у тебя не местная что ли?

– Да, с Украины.

– Так может она это, ради прописки решила тебя окрутить?

– Я раньше тоже так думал, а теперь понимаю, что ошибался.

– Значит, сегодня уже не получится.

– Успеем еще.

– Лады. Подожди меня.

Еременко ушел в дежурку. Пирогов слышал голоса Еременко и Ткачука и какую-то возню, которая скорее всего означала, что они выпивали. Через пятнадцать минут Еременко вернулся.

– Пошли, – сказал он.

Они зашли в дежурку.

– Товарищ майор, вот привел, – обратился к Ткачуку Еременко. – Как я уже говорил, товарищ лейтенант готов компенсировать ущерб, нанесенный службе предоставлением одного литра водки личному составу, вынужденному нести службу за него, то есть нашему коллективу.

– Нет, предоставлением двух литров, и лично мне в руки, – поправил майор.

– Хорошо, – согласился Пирогов.

– Сдавай оружие, лейтенант, – приказал Ткачук.

Пирогов, прождав в нетерпении еще час, в двадцать минут пятого, наконец, вышел из отделения. Он переоделся в гражданскую одежду, повесил на плечо спортивную сумку черного цвета. Пирогов направился в сторону железнодорожной станции. Он собирался отойти подальше от отделения, чтобы можно было ускорить шаг или побежать. Пирогов оглянулся. Он не хотел верить своим глазам. За ним, метрах в семидесяти, плелся Еременко; а когда он обернулся, быстро прыгнул за табачную палатку. Пирогов замер, не зная, что делать. Подойти к Еременко и выяснить, что ему нужно? Эта идея не понравилась Пирогову. Он впал в еще большее мысленное замешательство, когда понял, что станция метро находится совсем в дру-

гой стороне, и мнительный, подозревающий все и вся вокруг Еременко просто не мог не обратить внимания на то, что Пирогов идет не своим обычным путем, по которому он ездит домой. Ситуация была нелепейшая. Пирогов сделал несколько шагов вперед, после чего резко рванул влево, через дорогу во дворы. Пирогов бежал что есть силы, обернувшись, он увидел, что Еременко пытается догнать его. Пирогов специально бежал в сторону от железнодорожной станции, чтобы Еременко не догадался, куда он направлялся. Когда он исчез из поля зрения Еременко, он осторожно, постоянно оглядываясь, заново начал пробираться к железнодорожной станции и добрался до края платформы, уставший и возбужденный, когда уже шел седьмой час.

Пирогов не заметил поблизости никаких дворников, никаких уборщиков мусора и это вселило надежду на то, что пакет никто не обнаружил. Он быстро нашел тот самый кустарник, в который бросил пакет и немедленно приступил к поиску. Долго искать не пришлось, и он довольный извлек из кустов увесистый пакет. Он боялся заглянуть внутрь пакета: из страха разочароваться.

– Товарищ, предъявите документики, – услышал он за спиной незнакомый голос.

Он обернулся и увидел перед собой двух железнодорожных милиционеров старшего и младшего сержантов.

– Свои, – сказал Пирогов и протянул им свое удостоверение.

– Извините, товарищ лейтенант, – сказал старший сержант и отдал воинское приветствие.

– Ничего, все правильно, работа есть работа, – сказал Пирогов.

Он заметил, что они с подозрением смотрят на пакет, и предположил, что они могли видеть, как он извлекает пакет из кустов.

– А, это вчера у друга день рождения отмечали и когда гостей ходили сюда на станцию провожать, один из гостей потерял по пьяни свой пакет с барахлом, вот сегодня с утра он позвонил и меня отправили искать, – объяснил Пирогов.

Он понимал, что не обязан отчитываться перед сержантами, но решил все же, что в его ситуации лучше объяснить, чтобы развеять подозрения милиционеров.

– Бывает, – сказал старший сержант и милиционеры ушли.

Пирогов счел для себя небезопасным идти к ближайшей станции метро, где он мог столкнуться с Еременко или другими сотрудниками его отделения. Поэтому он решил перейти железную дорогу, выйти к ближайшей автобусной остановке и автобусом добраться до какой-нибудь другой станции метро. Перейдя железную дорогу, Пирогов оглянулся. На платформу взбирался запыхавшийся Еременко. К счастью Пирогова на этот раз он его не заметил.

Пирогов жил в Подмосковье, в одном из райцентров, в двух часах езды на электричке от Москвы. Его небольшой одноэтажный кирпичный дом находился в частном секторе города. Жил Пирогов с родителями, которые работали на местном комбинате всю жизнь. Когда Пирогов с нетерпением ворвался в дом и закрыл за собой дверь на замок, родителей дома не было. Пирогов, раздевшись, быстро вошел в свою комнату, бросил на пол спортивную сумку, извлек из нее черный целлофановый пакет, вывалил его содержимое, на пол посыпались пачки долларовых купюр. В каждой пачке было по десять тысяч долларов. Всего Пирогов насчитал сто восемьдесят тысяч долларов.

Глава 2

Полковник Игнатов отказывался принимать доводы Пирогова. Игнатов держал перед собой лист с заявлением Пирогова о просьбе увольнения по собственному желанию, и казалось вскользь заново несколько раз прочитывал, содержащийся там текст, и продолжать мучить Пирогова вопросами:

– Володь, помнишь, мы с тобой как-то разговаривали, и ты говорил, что тебе нравится у нас работать? Было же? Что же теперь произошло? Не понимаю.

– Обстоятельства, Владимир Васильевич. Как говорят в народе: рыба ищет где глубже, а человек где лучше.

Пирогов заранее был готов к тому, что начальник отделения полковник Игнатов так просто не отпустит его, когда приехал на работу писать заявление через сутки после того как стал обладателем целлофанового пакета с баксами. Он уже был наслышан, какими нервотрепками обычно сопровождаются увольнения из органов, но для себя уже сделал окончательный выбор и не видел смысла менять свои планы. Игнатов промурыжил Пирогова около часа, после чего, как и следовало ожидать, сдался. Все что теперь требовалось от Пирогова отработать положенные две недели.

Для хранения денег Пирогов сделал тайник в гараже: переложил пачки в пустой металлический ящик для инструментов и закопал в земляном полу.

Многие простые люди с небольшим достатком иногда мечтают о том, чтобы в один прекрасный момент на них свалилось несметное богатство, и тогда бы они со знанием дела распорядились деньгами: положили бы на счет в банке, вложили в недвижимость, переехали бы жить в Европу или США. Да мало ли таких людей, которые нет нет да и произнесут как-то ненароком в обыкновенном праздном разговоре: вот если бы у меня был бы миллион, вот я бы тогда... Знали бы празднословы, какая на самом деле это головная боль, умение с умом распорядиться приличным капиталом. К тому же, когда этот капитал фактически сваливается тебе на голову, неожиданно, при драматических обстоятельствах. Пирогов тоже, как и другие иногда предавался мечтам о том, чтобы он делал, будучи миллионером, или же просто состоятельным человеком. В этих крайне редких мечтах или может быть правильнее было бы сказать мыслях, обычно рождаемых воображением после просмотра какого-нибудь кинофильма, в котором возникала тема богатства, Пирогова редко можно было обнаружить нечто определенное. Он просто ясно осознавал, что богатым быть хорош, потому что это позволяет хорошо жить в самом широком смысле, особенно в качестве потребителя. Теперь же ему предстояло найти применение реальным деньгам в реальной жизни, деньгам немалым, и то особенно важно «приобретенным явно нечестным путем». Именно это – очевидная криминальность происхождения этого состояния заставляли Пирогова искать быстрые решения относительно собственных дальнейших действий. Первым делом Пирогов решил уволиться с работы. Продолжать работать, как ни в чем не бывало он считал слишком опасным. Во-первых, потому что он не сомневался, что хозяин этих денег обязательно примет меры, чтобы их найти. И если ему удастся найти вора, отдавшего Пирогову деньги, то вычисление самого Пирогова будет уже, скорее всего, делом техники. Во-вторых, неугомонный Еременко со своими наполеоновскими планами запросто мог втянуть Пирогова в какое-нибудь гиблое дело. Потом Пирогов решил, что ему необходимо будет скрыться, хотя бы на какое-то время. Вопрос был только куда, и решить этот вопрос Пирогов сразу не смог. Впрочем, у него впереди были еще две недели полной отработки до увольнения.

Пирогов предчувствовал и предполагал, что самым трудным будет в работе разрешить все недоразумения с Еременко. Он заранее придумал, что ответит в случае возникновения со стороны Еременко разных неприятных вопросов; и допуская, что тот в любом случае может

повести себя нагло и жестко, предъявляя ему какие-нибудь требования, решил в таком случае жестко поставить его на место.

Предположения Пирогова сбылись.

Во время очередного совместного дежурства Пирогов и Еременко, возвращались с очередного вызова. Они шли вдоль улицы и долго молчали. Была середина дня, солнечно. Пирогов купил в палатке мороженое, предложил купить и Еременко, но тот отказался. Пошли дальше.

– Володь, а почему ты молчишь, ничего не говоришь? – начал разговор Еременко. – Ты что, забыл о нашем разговоре? Нехорошо, Володь, плохо.

– О чем ты, Степаныч? – сделал вид, что не понимает о чем идет речь Пирогов.

– Как о чем. О нашем совместном бизнесе. Ты согласился. Или я ошибся?

– Ошибся.

– Нет, я хорошо помню, что ты согласился.

– Знаешь что, Степаныч, знай свое место, я с тобой никаких договоров не подписывал. А слова, что слова – слова это так, мало ли что можно сказать. Тем более, я конкретно еще не подписывался под твоей темой. Так что можешь считать, что теперь разговор об этом закончен.

– Так не пойдет, со мной так не пройдет, – начал возмущаться Еременко, стал перед Пироговым, заставив его остановиться.

– Сержант Еременко, оставь эти штучки. Ты что себе позволяешь. О том разговоре тебе лучше вообще забыть и радуйся, что я не доложил куда надо об этом, – Пирогов перешел на крайне грубый тон, но Еременко не сдвинулся с места.

– А о твоём бегстве от меня тоже прикажешь забыть? – Еременко таки припомнил ту утреннюю погоню.

– Какое еще бегство?

– Вов, ну не прикидывайся дураком, тебе это не идет.

– А, так это ты за мной следил. То-то я подумал, что та фигура тогда мне показалась какой-то знакомой.

– Выходит, что ты меня тогда не узнал. Считай, что я тебе поверил, – с иронией сказал Еременко. – Ладно. А как же, все-таки, Вов, объясни, что ты шел в очень странном направлении, совсем не туда, где находится станция метро?

– Я не обязан объяснять всяким старым кретинам: куда я хожу и зачем. И вообще, какого хрена ты взялся за мной следить?

– Просто я случайно заметил, что ты пошел не в ту сторону и решил посмотреть, куда ты идешь, ради интереса.

– Больше так не делай. Занимайся своим делом и не суй свой нос в чужие. Понял!

– Вов, ты же обещал мне помочь, так не поступают с друзьями.

– Я тебе ничего не обещал и не могу понять, с чего это ты решил, что мы с тобой друзья? Все! Уйди с дороги!

– Вов, подожди, я тебе должен еще кое-что сказать. Я понял, что совершил что-то такое, о чем не хочешь говорить. Но мне ты можешь довериться, я тебя не выдам и могу стать тебе полезным помощником.

– Не понял. Что я совершил? Что ты несешь? – в голосе Пирогова мелькнули нотки испуганности.

– Что-то видимо дерзкое, противозаконное. Ты самое главное не бойся, в этом нет ничего страшного. Страх в таком деле может только все испортить. Все, или почти все рано или поздно решаются на нечто подобное и правильно делают, потому что так устроен мир, что в нем можно быть либо волком, либо овцой. Я заметил, что ты ведешь себя подозрительно. Только не могу пока определить с какого момента ты изменился, если бы я это определил, мне было бы легче догадаться, что ты замутил, вспомнив какими делами ты занимался тогда. Вов, я же тебе только

добра желаю. Пойми, в нашем деле нельзя работать одиночкой: узнают – сомкнут безжалостно. Тебе обязательно нужен помощник. Вов, ты же не зря тогда от меня убежал. Не зря. Ты скрываешь что-то очень важное.

Пирогов быстро оглянулся, поблизости почти никого не было, с одной стороны дорога, с другой маленький скверик.

– Пошли, – Пирогов, обхватив рукой Еременко за плечи, повел его вглубь скверика.

– Володь, ты чего? – не понял Еременко, чего от него хочет Пирогов.

– Надо сказать тебе пару слов, Степаныч, в более тихом месте.

Пирогов подвел Еременко к клену, и резко ударил сержанта кулаком в живот. Тот сложился пополам и свалился под деревом, держась за живот.

– Вот что гнида, слушай меня внимательно. Держись от меня подальше. Обращайся ко мне теперь только по делу, касающемуся работы, а со своими бредовыми затеями меня лучше не трогай. И запомни, плевать я хотел на твои подозрения. Но все-таки объясню так и быть придурку, чтобы ты выкинул всякую дурь из головы. Понимаешь, девушка у меня замужем и ее рогатый супруг следит за мной, потому что какие-то доброхоты рассказали ему про меня, поэтому я и шел к метро длинной обходной дорогой, чтобы в случае чего сбить его с пути, а тебя дурака, я принял тогда за него. Больше я тебе ничего объяснять не буду. Я пошел в отделение, догоняй.

Остальная часть дежурства Пирогова прошла относительно спокойно, Еременко больше не приставал к нему. Ночью Еременко подошел к Пирогову, пролепетал что-то очень невразумительное, похожее на извинения, и как бы невзначай спросил Пирогова, как зовут его девушку. Пирогову это не понравилось и он, после некоторого раздумья, ответил:

– Маша.

«Наверное напился старый идиот и хочет таким образом подлизаться», – Пирогов решил, что в этом действии Еременко не было никакого подвоха.

Пирогов начал активно интересоваться вопросами финансов и коммерции: пытался изучить банковскую систему, читал разные журналы и газеты коммерческой направленности. Спустя неделю после того, как он завладел пакетом с баксами, он окончательно определился, как лучше всего следовало поступить с деньгами. Он положил сто пятьдесят тысяч долларов на счет в одном известном коммерческом банке. Этот банк привлек его главным образом тем, что открыв в нем счет, без проблем можно было снять с него наличность в любом филиале банка, в каком бы городе не находился филиал. А филиалы этого банка имелись не только в России, но и в нескольких странах ближайшего зарубежья. Тридцать тысяч Пирогов решил оставить при себе только из-за того, что не доверял банку на все сто процентов: многие еще не забыли события девяносто восьмого года, когда обанкротились многие коммерческие банки и множество вкладчиков потеряли свои вклады. До этого у Пирогова не было вообще никаких вкладов и сбережений, но те события ему также запомнились.

Один вопрос он долго не мог разрешить: куда лучше всего уехать? Куда-нибудь в Россию, или лучше в ближнее зарубежье? У Пирогова был друг Кирилл, бывший его одноклассник и сосед, с которым Пирогов иногда проводил свой досуг. Однажды Пирогов решил посоветоваться с Кириллом по поводу этой проблемы.

– Кирилл, скажи, если бы тебе пришлось переехать жить в другой город на выбор, ты бы куда поехал? – спросил Пирогов.

– На выбор? – переспросил Кирилл.

– На выбор.

– В Кострому.

– Почему в Кострому?

– Там природа красивая.

– Может быть. Но там же, наверняка, ни с каким бизнесом не развернешься.

- А причем здесь бизнес?
- Ну, как причем. Для того чтобы развиваться.
- Ты что, решил бизнесом заняться?
- Угадал.
- А начальный капитал?
- Есть люди, готовые вложить в мою идею деньги.
- Интересно, что за идея?
- Извини, не могу рассказать, очень боюсь сглазить. Пока.
- Ну, как хочешь. А не боишься брать в долг. Наверняка ведь придется отдавать с процентами, да и прогореть можно.
- Нет, идея гениальная, беспроигрышная.
- Может, если поднимешься, то и обо мне не забудешь.
- Обязательно.
- А почему ты здесь не хочешь начать этот бизнес?
- Здесь? Это проблемно. Москва, знаешь, такой регион, где очень трудно что-то начать, здесь себестоимость любого товара получается совсем неинтересной, – объяснил Пирогов, пытаясь пользоваться скудными знаниями о бизнесе, приобретенными за последнюю неделю.
- Это понятно. Когда ты успел так наблатькаться в коммерции. Раньше я за тобой таких увлечений не замечал.
- Жизнь заставит. Надоело, брат, плыть по течению, надо когда-то начинать подниматься в этой жизни.
- Это верно. А я заиклился на баранке, и ничего другое уже в голову не приходит, – Кирилл работал водителем.
- С одной стороны это хорошо, когда есть любимая работа, когда определился в жизни.
- Согласен, в целом я своей жизнью доволен. А по поводу: куда поехать делать бизнес тут и голову ломать не надо. В Питер или Катер, там и народ не такой нищий как везде, и себестоимость товаров ниже, скорее всего, чем в Москве.
- Я тоже думал про Питер.
- А когда ехать собрался?
- Скоро. Время поджимает. Ты только никому особо о нашем разговоре не болтай, даже моим родителям. Я им все не хочу рассказывать. Договорились?
- Конечно.

После этого разговора у Пирогова возникли сомнения в целесообразности обращения за советом к Кириллу. Ему вспомнились любимые слова Еременко: язык твой – враг твой. Трудно не согласиться с правильностью данного выражения. Действительно, в жизни очень полезно следить за своей речью, иногда лучше вообще ничего не говорить, чем выболтнуть не подумавши лишнее во вред себе. Все это конечно очень существенно, но человек, к сожалению, так устроен, что хоть иногда, в самом малом количестве, нуждается в общении. К тому же Пирогов успокаивал себя тем, что он все же не в бегах, не объявлен в розыск, чтобы было необходимо основательно заматывать следы, во всяком случае, пока. И он надеялся, что в любом случае Кирилл будет молчать.

Началась последняя неделя, которую Пирогову требовалось отработать до окончательного увольнения. На работе, как ни странно, все было относительно спокойно: Еременко почти не подходил и вел себя в целом по отношению к Пирогову, как ему казалось, вполне благожелательно.

Но Пирогов напрасно успокоился. Как-то в середине недели, когда у него был выходной, утром он вышел из дома, чтобы купить кое-какие вещи для отъезда. Через два часа он вернулся. Входная дверь в дом оказалась не заперта. Пирогов, стараясь делать все тихо, открыл дверь и вошел в прихожую, остановился, замер, напрягая слух. Было тихо. Мелькнула мысль

о том, что все же он сам по рассеянности забыл закрыть дверь. Простояв несколько минут и убедившись, что каких-либо звуков за это время он не расслышал, Пирогов зашел в коридор, из осторожности стараясь двигаться как можно тише. Заглянул на кухню, в туалет и в ванную, в комнату родителей, не обнаружив там ничего подозрительного. Осталась его комната. Дверь была открытой в комнату, также как и когда он уходил. Он не спеша вошел в комнату, внимательно осматривая все вокруг. Вроде бы все было в порядке. Только верхний ящик комода был слегка приоткрыт. Ящик, в котором Пирогов хранил документы, письма, фотографии. Пирогов подошел к комоду и выдвинул на себя ящик. Содержимое ящика хаотично перемешалось, и Пирогов понял, что в доме кто-то был. Неожиданно со стороны двери послышался нарастающий шум, заставивший Пирогова содрогнуться. Оказалось, что все это время в комнате он был не один. Оглянувшись в сторону шума, Пирогов увидел как из-за двери, открытой внутрь и закрывающей угол комнаты, выскочил знакомый силуэт и кинулся в коридор. Пирогов бросился вслед.

Догнал он Еременко в прихожей, свалив его подножкой на пол. Еременко упал вниз животом, ударившись головой о порог. Взбешенный Пирогов принялся бить поверженного Еременко ногами. Было очевидно, что Еременко следил за ним, неизвестно сколько времени и с каких пор, может быть с того дня, когда гнался за ним, когда он пораньше отпросился с работы, чтобы найти пакет с долларами; потом проследил за ним, когда он возвращался домой, следил за домом, узнал, что в рабочие дни родители его находятся на работе, дождался, когда он уйдет, чтобы можно было проникнуть в пустой дом, что и сделал. Сделал грамотно, только не рассчитал, что хозяин может скоро вернуться. Только одного не мог понять пирогов: зачем все это нужно было Еременко? Еременко жалостливо хрипел от боли. Пирогов прекратил бить его, схватил за волосы на загривке и потянул вверх с силой. Еременко смог встать только на колени и выглядел очень жалко.

– Ну что скажешь, гнида? – обратился к нему Пирогов.

Еременко промычал что-то невнятное.

Пирогов влепил ему сильную пощечину. Еременко, закрыв ладонями лицо, попытался что-нибудь ответить:

– Я-я, Володь...

– Ты как сюда попал? – зло спросил Пирогов.

– Через дверь.

– Что тебе здесь надо? Какого хрена ты влезаешь как вор в мой дом?

Еременко тяжело дышал, будто собираясь с силами, чтобы дать ответ, но так ничего и не ответил.

– Что молчишь, гнида?! А как ты открыл дверь? – вновь обратился к Еременко Пирогов.

Еременко молча вынул из кармана брюк связку ключей и отмычек и бросил на пол.

– Понятно. Что же мне теперь с тобой делать? Может убить? А то ведь никогда от меня не отстанешь, – начал размышлять вслух Пирогов.

– Вов, прости ради Бога, – попросил прощения Еременко. – Прости, пожалуйста.

– Простить. Тебя? Ну уж нет. Слушай, а знаешь, что я с тобой сделаю: я тебя сдам ментам, нашим местным. У меня и улики есть, – Пирогов указал кивком головы на связку ключей и отмычек.

– Володь, все равно тебе не поверят: ведь мы же вместе работаем, что мне могут предъявить?

– Проникновение в дом с целью грабежа.

– Володь, какой грабеж, я же ничего не взял.

– Не успел, потому что я вовремя вернулся домой.

– Вов, не говори глупостей. Ведь все равно же выяснится, что мы вместе работаем, почти друзья. Я могу сказать, что ты просто на меня обиделся и решил подставить.

– А кто тебе, Еременко, поверит? Я старше по званию и говорить буду я, тебе никто не даст и слова сказать. И ты еще забыл, что я здесь живу очень давно, точнее всю жизнь, и неужели ты даже не предполагаешь, что среди местных ментов не может быть моих знакомых. Так вот, могу тебя обрадовать: среди местных ментов у меня есть пара хороших приятелей.

– Блефуешь, Вовка.

– Это мы сейчас посмотрим. Грабеж на тебе повесить не получится, видимо. Пойдешь тогда по сто пятьдесят восьмой за кражу, до шести лет, кажется, можно получить. Столько тебе вlepить вряд ли получится, но двушечку вполне реально.

– Я же ничего не крал.

– Просто не успел. Кстати, ты верную мысль подсказал: нужно будет сделать так, чтобы все выглядело так, как будто ты успел набить карманы какими-нибудь ценностями, их у нас в доме не очень много, но для тебя так и быть по старой дружбе можно собрать какой-нибудь пакет специально, а мы потом поможем тебе на нем свои пальчики оставить. По-моему это неплохая идея?

– Это же произвол, Владимир, – возмутился Еременко.

– Конечно произвол, но не тебе, Еременко, жаловаться на произвол, ты же ведь сам известный беспредельщик.

– Помилуй, Вовка, пощади, мне же до пенсии осталось всего ничего, ведь погубишь же старика ни за что ни про что, – Еременко перешел уже на жалостливый тон.

– Нет, Степаныч, оставлять на воле тебя опасно для окружающих, ведь ты же неисправимый негодяй. Я может и возьму грех на душу, закрыв тебя, зато человечество вздохнет спокойно годика на два, как минимум. Давай, вытаскивай ремень из брюк, я тебе свяжу руки, чтобы ты никуда не убежал, а сам пойду вызову ментов.

– Ты что серьезно, Вов?! – Еременко как-то совсем жалостливо испуганно заглянул в глаза Пирогову.

– Вполне. Делай что я тебе сказал! – и Пирогов оттянул ногу для нанесения удара.

– Вова, прости, не надо, не делай этого у меня мама старая, она не переживет этого, она очень хорошая, цветочки выращивает дома и на даче, – взмолился Еременко.

– Маму вспомнил.

– Умрет она без меня, не выживет.

– Поздно. Раньше надо было думать о матери. Мне тебя на воле оставлять нет никакого смысла. Снимай ремень.

– Володька, пощади дурака, только не губи, – Еременко упал к ногам Пирогова и принялся целовать его ботинки. – Тюрьма для меня хуже смерти.

– Незаметно.

– Дурак я дурак. Ум уже за разум зашел. Сам не ведал, что творил. Только пощади меня, Володя, и я стану совсем другим, буду лишь об одном мечтать: дожить до пенсии, а там удалюсь из города прочь на природу, на огород, буду цветы вместе с мамой выращивать. Только пощади, не ломай судьбу в такие-то годы. Я что хочешь готов для тебя сделать, только отпусти. Любую цену скажи: вечным буду должником, – умолял Еременко, схватившись за ногу Пирогова.

Пирогов задумался, посмотрел вниз на Еременко, прижавшемуся ногой к ботинку, и обратил внимание, что из глаз его потекли слезы. «Неужели в самом деле раскаялся?» – подумал Пирогов. Непохоже это было на Еременко. «А ведь мне в самом деле невыгодно сдавать Еременко в милицию. Придется объясняться с собственным начальством – это раз. А если заведут дело, то у меня возникнут трудности с отъездом, ведь мне придется как потерпевшей стороне ходить на прием к следователю, присутствовать на суде – это два», – тщательно обдумал сложившуюся ситуацию Пирогов. С другой стороны отпускать Еременко он боялся. От такого типа ожидать можно было все что угодно. И все же Пирогов решил, что обращаться в милицию в его положении не имеет смысла.

– Ладно, скажи спасибо, что мне просто не хочется связываться с такой швалью как ты; да и жалко тебя, старого придурка, мало ли, не выживешь на зоне, а меня потом совесть будет мучить, – сказал Пирогов и отпустил Еременко.

Пирогов был уверен, что Еременко как минимум неделю не появится на работе, так как думал, что причинил немалый вред его здоровью, поймав и избив его в своем доме, но ошибся. Еременко вышел на работу на следующий же день после инцидента в доме Пирогова, и по поведению и внешнему виду его трудно было поверить в то, что накануне ему пришлось изрядно пострадать. Он вел себя довольно естественно и непринужденно, и время от времени отпуская свои любимые шутки.

Пирогов уже всеми мыслями был в будущей поездке в Санкт-Петербург. Он думал о том, как лучше всего будет обосноваться в северной столице: в гостинице или снять квартиру; и о том, какую версию своего отъезда выдать родителям. У него уже было несколько вариантов в голове, но какой из них более убедительный, он пока не решил. Родители Пирогова никогда не ущемляли его самостоятельности, поэтому он рассчитывал, что никаких препятствий и недопониманий с их стороны не должно было возникнуть.

Наконец, Пирогов выбрал на свой взгляд самую оптимальную версию своего отъезда и решил объясниться с родителями. Он решил все рассказать во время ужина, когда вся семья соберется за столом, но когда ужин настал, долго не мог решиться начать. Он поглядывал то на мать, то на отца и снова и снова прокручивал в голове выученную, наверное, уже наизусть речь. Его мама Ирина Викторовна имела приятные черты лица, была одного с сыном роста, красила волосы в черный цвет и выглядела намного моложе своих шестидесяти с небольшим лет. Отец Игорь Николаевич был ростом ниже сына и жены, носил бороду в стиле Высоцкого, которого очень высоко почитал и отличался спокойным характером и добрым нравом. Игорь Николаевич и Ирина Викторовна знали друг друга очень давно, так как жили и родились в одном городе; учились в одной школе, где начали дружить; потом учились в одном институте, где их дружба перешла в более близкие отношения. В общем, вся их жизнь прошла в очень тесном союзе, так что очень редко бывало так, что они были не рядом друг с другом. Это был очень редкий союз для наших сумасшедших изменчивых времен. Пирогов не мог вспомнить случая, когда бы его родители поругались. Может быть сказывалось, что они жили больше разумом, нежели чувствами. Оба от природы были большими интеллектуалами и у них часто было много общих тем для разговоров. После института они работали на местном комбинате инженерами, где совсем не надоедали друг другу, как иные супруги, вынужденные работать вместе. После рождения сына они уже не помышляли об увеличении потомства; и может быть, если бы сложилось так, что они не имели бы какое-то время детей, то вполне могло получиться бы так что они вообще отказались бы от продолжения рода по идейным соображениям, как часто бывает со многими интеллектуалами, которые смотрят в будущее с огромным пессимизмом.

Ужин заканчивался и дело дошло уже до чая, и Пирогов все никак не мог решиться.

– Володь, я чуть совсем не забыла тебя спросить, а что за Маша? Ты нам еще ничего не рассказывал о ней, у тебя что, появилась новая девушка? – неожиданно спросила его мать.

– Маша? Какая Маша? – насторожился Пирогов.

– Ты что, не хочешь рассказывать? Раньше ты от нас ничего не скрывал, – с легким упреком сказала Ирина Викторовна.

– Ир, ну что ты пристала к человеку. Он уже самостоятельная взрослая личность и имеет право не посвящать нас в детали своей личной жизни, – упрекнул уже мать Игорь Николаевич.

– Я и не собиралась приставать, а всего лишь констатировала факт, – пояснила Ирина Викторовна.

– Mam, подожди. Объясни толком, что еще за Маша? Я не собираюсь ничего скрывать, просто не понимаю, о чем идет речь, – обратился к матери Пирогов.

– Вчера, когда ты был на дежурстве, позвонил твой товарищ и начал интересоваться Машей. Я, естественно, не поняла о ком идет речь, и попросила объяснений. И этот товарищ сказал, что ему нужен Машин номер телефона, так как буквально только что узнал, что у нее в это день был день рождения и поэтому очень хотел поздравить ее. Я сказала, что не знаю ничего о Маше. После чего тот спросил: «Неужели вам Володька ничего не рассказывал о Маше?». На что я ответила: «Ничего не рассказывал», – рассказала о телефонном разговоре Ирина Викторовна.

– А как представился этот товарищ? – спросил Пирогов.

– Он и не представлялся. Он разговаривал так, что трудно было усомниться в том, что он был не искренним. Он называл меня по имени отчеству, спрашивал о моем здоровье, и уже потом перешел к этой Маше. Неужели, Володь, это мог оказаться кто-то, кто имеет в отношении тебя недобрые намерения? Но я вроде ничего такого не выдала, ведь я и в самом деле ничего не знаю ни о какой Маше, – в голосе Ирины Викторовны чувствовалось волнение и настороженность.

– Да ты не волнуйся, мам, это кто-то из моих ребят. А голос какой у него был? – поспешил успокоить мать Пирогов.

– Обыкновенный.

– Молодой или старый.

– Трудно определить, но такой знаешь немного вкрадчивый, любезный что ли.

– Тогда понятно.

– Что? Значит, ничего страшного?

– Успокойся, мам. Я теперь понял, что это был Денис. У нас в отделении работала как-то одна Маша. У меня, впрочем, ничего особенного с ней не было, так, легкий флирт. А Денис по уши влюбился и ревновал ее ко мне. До сих пор ревнует и думает, что у меня с ней роман. А звонил скорее всего для того, чтобы проверить, вру я или нет. Он уже как-то спрашивал: встречаемся ли мы. Тигр еще тот, кому попадет – не позавидуешь, – изложил быстро придуманную историю Пирогов ради спокойствия родителей.

– Дон Жуан ты, Володька, дон Жуан. Не в нас с матерью пошел. Смотри, нарвешься на какого-нибудь тигра, – пожурил сына Игорь Николаевич.

– Никакой он не дон Жуан, просто очень общительный, а это очень нравится девушкам, – заступилась за сына Ирина Викторовна.

– Я же не ругаю, я же это сказал как комплимент, – быстро выкрутился Игорь Николаевич.

– Комплимент?! – Ирина Викторовна с наигранной сердитостью уставилась на мужа.

Пирогов, воспользовавшись позитивным настроением обоих родителей, рассказал им о намеченном отъезде. Родители несколько удивились, но Пирогов объяснил им все таким образом, что этот отъезд выглядел как деловая поездка или на худой конец командировка. Он сказал, что едет в Екатеринбург, так как опасался, что преследования нельзя было исключать, пока все не уляжется, не утрясется. Обещал звонить. Он сказал, что встретил старого друга, у которого в Екатеринбурге бизнес и ему нужен верный помощник, на которого можно было бы положиться. Он очень красиво рассказал в общих чертах, что он думает о современной жизни: о том, что сейчас есть только одно мерило всего в этом мире – деньги, и без них ты всю жизнь будешь жалким нулем; в милиции нет никаких перспектив: либо нищета, либо воровство, а тут выпал хоть какой-то шанс, и даже если ему не удастся им в полной мере воспользоваться, он еще может начать что-то другое, так как еще молод. А в конце Пирогов хитро подытожил:

– В конце концов, я же не криминалом каким-то еду заниматься, а бизнесом. Вы что не хотите, чтобы ваш сын был счастливым и богатым?

Ирина Викторовна и Игорь Николаевич ничего не имели против.

То, что интересовался Машей Еременко, Пирогов не сомневался. И это после того, как Пирогов поймал его в собственном доме. Несколько же опасен этот Еременко? Не успеет ли он выкинуть что-нибудь за эти несколько дней, оставшихся до отъезда? Пирогов понимал, что от этого человека ожидать можно было что угодно.

Пирогов начал думать о том, как можно было бы нейтрализовать Еременко, и в конце концов он пришел к выводу, что проблему можно решить очень простым, но эффективным способом. Выход из этой непростой ситуации заключался в том, что Пирогову нужно было поделиться с Еременко частью денег, отданных вором-кавказцем. Еременко не знал, сколько всего было денег у Пирогова, поэтому ему можно было назвать любую сумму, если бы его пришлось посвящать в историю с отданным пакетом, и дать хотя бы тысячу долларов. Но Еременко мог бы приставать с новыми вопросами, к тому же в случае, если подобная сделка состоялась бы, то Пирогову можно было бы считать себя повязанным с Еременко, а это означало бы, что Еременко мог начать манипулировать Пироговым, заставляя плясать под собственную дудку. Пирогов вспомнил об идее, с крышевание каких-то коммерсантов, и он мало сомневался, что в случае, если бы он открылся Еременко, то бы не перестал вовлекать его в подобные безрассудные авантюры. Пирогов полагал, что люди, настоящие хозяева денег, учитывая величину всей суммы, обязательно организуют активный поиск этих средств; и это в какой-то степени счастье, что за Пироговым охотиться всего лишь придурочный Еременко, а не более серьезные люди. Можно было бы дать Еременко побольше денег, чтобы тот успокоился, но Пирогов сомневался, что он в этом случае согласится уехать из Москвы. Взвесив все за и против, Пирогов пришел к выводу, что положиться в чем-либо на Еременко, было бы очень опасным с его стороны, но что-то с Еременко нужно было делать.

У Пирогова остались последние два дежурства. Отдежурив одно, Пирогов не торопился домой. Он решил посвятить законный выходной слежке за Еременко – поменяться с ним ролями. Он проследил за Еременко за его дома, потом квартиры, где тот не задержался. На электричке Еременко отправился на дачу в Клинский район. Проследил за ним до самой дачи, представляющей собой более менее благоустроенный дощатый домишко на шести сотках. Когда Еременко вошел в домик, Пирогов быстро проник на территорию участка, оббежал домик и спрятался за сарайчиком, находившимся рядом с домиком. Здесь его невозможно было заметить из окна и хорошо прослушивалось все, что творилось внутри домика. Участок Еременко был засажен большим количеством цветов разных видов и сортов. Это жизнерадостный пейзаж резал глаз Пирогову и давил на мозги; отягощенные мало оптимистичными мыслями. Пирогов рассчитывал, что Еременко обязательно приляжет хотя бы немного поспать, чтобы отдохнуть после бессонного дежурства; иначе весь его план рухнет. Через некоторое время какие-либо звуки перестали доноситься со стороны домика. Пирогов немного переждал и, не расслышав даже слабого звука, выглянул из-за сарайчика. Одно окно, выходящее в заднюю часть двора, было открыто. Пригнувшись, Пирогов добежал до него и присел под ним. Прислушавшись, Пирогов расслышал непонятные звуки. Это был храп. Пирогов понял это и медленно начал подниматься. Поднялся, отодвинул рукой тюлевую занавеску и заглянул внутрь. Оказалось, что кровать, на которой спал Еременко, находилась прямо под этим окном. Убедившись, что Еременко спит, Пирогов опустил занавеску и отошел от окна. Чтобы исполнить план, нужно было действовать решительно и быстро. Через окно проникнуть внутрь дома было рискованно: можно было разбудить и вспугнуть Еременко. Пирогов быстро обошел дом, оглядываясь по сторонам, и подошел к входной двери. В поле зрения не было ни одной живой души. Взяв дверь за ручку, Пирогов осторожно толкнул ее внутрь, со слабеньким скрипом дверь легко поддалась. Стараясь ступать как можно тише, Пирогов вошел в дом и аккуратно закрыл за собой дверь.

Терраса, маленькая кухня и собственно жилая комната с каминчиком, оббитая вагонкой – все что представляла собой дача Еременко изнутри. Пирогов тихо пробрался в ком-

нату, где остановился на самой середине, достал из кармана кожаный шнурок. Еременко лежал на боку, спиной к Пирогову и тихо похрапывал. Пирогову хватило бы минуты, чтобы подбросить к Еременко, накинуть ему на шею шнурок и успокоить неугомонного сержанта уже окончательно, навсегда. Потом нужно было устроить пожар: в доме или сарайчике наверняка у Еременко были припасены какие-нибудь быстровоспламеняющиеся жидкости: растворители или керосин. Деревянный дом должен был сгореть быстро, сгореть вместе со следами насильственной смерти.

Еще накануне, невольно подслушав разговор Еременко с коллегами, Пирогов понял, что тот собирается на следующий день отправиться на дачу. И у Пирогова возник план. Избавиться раз и навсегда от неугомонного Еременко на его даче было намного реальней, нежели в его квартире в Москве.

Пирогов подошел к кровати. Осталось лишь сделать несколько резких движений, но Пирогов не решался начать. Руки предательски дрожали. Пирогов мысленно сконцентрировался на ненависти, которую он испытывал к этому негодяю, но и это не помогло. Он просто не мог это сделать физически. Не хватало духа. Задумать было гораздо легче, чем исполнить. Мысленно ругая самого себя за слабость, Пирогов отошел немного от кровати. «Уходить он пока не собирался, так как еще окончательно не отказался от своей страшной затеи. Он подумал, что было бы лучше, если бы Еременко зашевелился или проснулся, тогда у него уже не было бы выхода и ему пришлось бы сделать то, зачем он сюда пришел, но Еременко спал тихо, неподвижно. Пирогов понял, что у него начинают сдавать нервы, а в таком состоянии, он знал, что совершать важные действия очень рискованно. Он бегло оглянулся вокруг. Обычная обстановка: маленький столик, на столике ваза с полевыми цветами, небольшой, видимо, черно-белый телевизор на тумбочке, фотографии на стенах. Фотографии две: на одной улыбающийся ребенок лет пяти, может быть сын или племянник; на другой пожилая женщина поливает цветы, видимо мать. Фотографии навели на мысль о том, что убей Пирогов Еременко, эти люди с фотографий непременно бы болезненно восприняли это и страдали бы от его утраты, особенно мать, несмотря на то, что Еременко конченный мерзавец. Впрочем, они скорее всего и не знали все о Еременко, а знали о нем только хорошее. Пирогов поймал себя на мысли, что ему не хочется делать этим людям больно...

О затее убийства Еременко Пирогов вспоминал как о затмении рассудка, и был рад, что ничего с этой затеей не вышло. Теперь ему казалось это настолько глупым, что воспоминания об этом заставляли испытывать чувство стыда. Ему было стыдно вспоминать, как он корил себя за нерешительность, потом оправдывал нерешительность жалостью к близким Еременко. Он пытался разобраться в самом себе: как он мог задумать такое? В чем причина? А причина была проста. Пирогов понял, что дело все в деньгах. Человек. Становясь обладателем больших денег очень сильно меняется, а если учесть, что Пирогов стал богачем фактически в одночасье, неожиданно, будучи совсем не готовым к такому испытанию, то в его положении тем более трудно было избежать перемен в психике и сознании. Он вспомнил о том, как раньше много слышал о том, что большие деньги приносят помимо разных возможностей и удовольствий своим хозяевам довольно много хлопот и несчастий. В самом деле, сколько в мире богатых людей, страдающих самыми разными недугами, начиная от язвы, кончая диабетом. Пирогов сам лично знал несколько таких людей. Может быть не напрасно считается, что все болезни происходят от нервов. А чтобы быть богатым и сохранить свое богатство, нужно иметь хорошие нервы. В этом Пирогов успел убедиться на личном опыте. У него оставалось три дня до отъезда, и он решил целиком положиться на судьбу, надеясь, что Еременко за такой короткий отрезок времени вряд ли успеет причинить ему существенный вред.

Пирогов отработал последнее дежурство и был уже абсолютно свободен. Дома он собрал вещи, билеты на завтрашний поезд Москва – Санкт-Петербург лежали в кармане куртки. Его несколько не пугала новая жизнь, наоборот, он больше боялся однообразия и рутины. Все

необходимые вещи он собрал в большую спортивную сумку. Сборы были фактически завершены.

Он смотрел репортаж о футбольном матче по телевизору, когда зазвонил телефон. Он не ждал ни от кого звонка, поэтому взял трубку не сразу, так как этот звонок заставил несколько его насторожиться и напрячься.

– Алло, – сказал он в трубку, вложив в голос всю нерешительность и твердость.

– Привет, – услышал он знакомый голос.

– Еременко ты что ли?

– Ага, как ты догадался?

– Не ерничай, говори, что хотел?

– Ну что ты так грубо, Володь? Совсем что ли старость перестал уважать? У меня дело к тебе есть.

– Опять, ты! Опять хочешь втравить меня в какое-нибудь гиблое дело? Еременко, ты видимо забыл, что я уже уволился из органов.

– Как ни странно, с памятью у меня все в порядке, хотя у некоторых в моем возрасте уже начинают возникать провалы в памяти. И втравливать тебя ни во что не собираюсь. Пока.

– Ну, так в чем дело?! Говори быстрее, у меня мало времени.

– Торопишься?

– Не важно.

– Вов, я все знаю.

– Что все?

– Все.

– Я не понимаю, что ты этим хочешь сказать?

– Перестань, Вов.

– Что перестать?

– Сам знаешь что: делать вид, что ничего не понимаешь.

– Я и в самом деле не могу понять, к чему ты клонишь.

– Вов, неужели ты думаешь, что то, что ты уволился так внезапно и резко не могло навести на разного рода подозрительные мысли?

– Кого навести?

– Меня, например.

– Ну, тебе то какое до этого дело?

– Ты же мне не рассказывал ничего об этом, не объяснял причины увольнения.

– А с чего я тебе должен был что-то объяснять, ведь мы же кажется поссорились.

– Действительно, поссорились. Странная какая-то вышла ссора, странное какое-то твое увольнение, странное твое поведение. Тебе не кажется это слишком много странного? Много, чтобы можно было списать на случайность.

Пирогову стоило большого труда совладать с собой. Он уже не знал, что ответить.

– Ты почему замолчал, Володя? – вновь услышал он голос своего мучителя.

– Слушай, Еременко, зря, наверное, я тебя тогда не сдал в милицию, – попытался уколоть сержанта Пирогов.

– Кто знает? Кто знает?

– Все, хватит валять дурака, Еременко, пора уже закончить этот дурацкий разговор...

– Подожди, Володь, я еще толком и не начинал.

– Тогда выкладывай, хватит тянуть время, не понимаю, чего ты этим хочешь добиться?

– Правильно, время – деньги. Все дело в том, Владимир, что я понял, что все дело в том хачике.

– Каком хачике?

– За которым мы тогда гнались.

- Когда гнались?
- Володь, ты что меня совсем за идиота что ли держишь?
- По-моему, это ты меня не понятно за кого принимаешь.
- Володь, ты что так напрягся?
- Я? Напрягся? Да за такие слова я бы тебя сейчас! Скажи спасибо, что я уволился из ментовки. Ты что, все злишься на меня за то, что я тебя тогда слегка прессанул?
- Слегка ли?
- Ну, ты же сам был виноват.
- Нет, дело не в этом. Дело в хачике. У тебя с ним что-то было.
- Что ты несешь? Что было?
- Я догадался.
- Это не серьезный разговор, я кладу трубку.
- Если положишь, тогда серьезный разговор у тебя будет с прокурором.
- Ты что, пугаешь меня что ли?
- По-хорошему же ты не понимаешь.
- Чего ты хочешь?
- Я хочу, чтобы ты понял, что мне все известно.
- Что именно.
- О тебе и о том хачике.
- Пирогов сделал паузу, чтобы собраться мыслями, после чего сказал:
- У тебя, наверное, есть какие-то догадки, подозрения. Но как я понимаю, ничего определенного, существенного, что касается фактов, у тебя против меня нет. Так что давай закончим этот бессмысленный разговор.
- Подожди, подожди. Факты будут. Ты меня знаешь: я умею добиваться своего, чего бы мне это ни стоило.
- Когда будут, тогда и поговорим.
- Нет, будем говорить сейчас, потом будет поздно.
- О чем говорить?
- Будем решать, что нам дальше делать?
- Что значит нам?
- Нам, значит, решить все непонятки, существующие между нами. Ведь ты же получил бабки с того хачика. Получил. Получил, не поделившись со мной, а это не совсем честно.
- Пирогов едва не потерял дар речи. Откуда Еременко мог знать о деньгах? Это было маловероятно, чтобы Еременко как-то мог узнать об этом. Пирогов никак не мог понять, что же такое могло произойти, что Еременко смог что-то узнать. Может быть поймали того хачика, который отдал ему деньги? Это был самый губительный вариант для Пирогова. И Пирогов его тут же отверг, полагая, что в этом случае ему вряд ли бы позволили спокойно собирать вещи и наслаждаться свободой и жизнью. Хотя могло случиться так, что Еременко как-то участвовал в задержании и обработке этого хачика; и в итоге решил на этом деле замутив собственную игру. Это он может и любит. Пирогов решил, что надо быть поосторожней с Еременко, стараться не взболтнуть ничего лишнего; и попытаться выудить из него всю известную ему информацию.
- Еременко, я что-то не пойму, что ты мне пытаешься втереть; что ты мне мозги конифолишь. Я же сразу понял, что это чистый блеф, – Пирогов старался, чтобы его голос звучал как можно тверже.
- Блеф не блеф, а влип ты, Володя, основательно.
- Ладно, выкладывай, что тебе известно и закончим, а то разговор получается несерьезным.

– Я понял, что ты все же догнал тогда того хачика: по твоему поведению, по твоим разговорам; догнал и отпустил. Причем отпустил, разумеется, не за красивые глаза. Как я понял, в ту смену ты неспроста так рано отпросился: у вас была назначена встреча, на которой он должен был передать тебе бабки, поэтому-то ты так испугался меня, заметив мое преследование. Встречались вы на той самой станции, где ты якобы упустил его. Это я выяснил в тот день, опросив там на месте несколько людей, видевших, как ты мелькал несколько минут около станции. Знаешь в чем твоя главная ошибка, Владимир? В том, что ты решил пренебречь очень важной истиной, гласящей, что всегда следует делиться. А я подметил бы, что делится именно с теми, с кем человек просто обязан делиться в конкретной ситуации. И каждый раз, любой человек, попав в схожую с твоей ситуацией, прекрасно понимает, осознает с кем ему нужно поделиться, для того чтобы и дальше можно было спокойно дышать кислородом и наслаждаться радостями жизни. Каждый решает по своему, и ты решил по своему: закрыл деньги от собственного товарища. Это, Вовк, не по-нашему, не по-людски. Мало того, скрысяничал, так вдобавок к этому удумал меня убить. Неужели ты думаешь: я не заметил, что ты пробрался на мою дачу; и не понял для чего. Все я понял. Кстати, у тебя шансов не было никаких, у меня под подушкой лежал ствол; и в тот момент, когда ты вошел в дом, я уже держал палец на спусковом крючке. А у тебя, Володя, ствола не было. Свой служебный ты сдал утром во время сдачи дежурства, другого, насколько мне известно, у тебя не имеется. Так что убить меня ты собирался либо ножичком, либо придушить, а это трудно: опыта то у тебя, я так думаю, нет в этом деле. А у меня сноровка хорошая, закалка старая. Так что еще раз повторюсь – не было у тебя тогда шансов. А может быть этот черный отдал такую сумму, за которую на все можно было пойти? Сколько он тебе заплатил? В общем, вычислил я тебя, Вова, полностью. Молод ты, не опытен, горяч. Теперь тебе придется слушаться меня хорошенько; и ты должен зарубить себе на носу, что делать какие-либо глупости в твоём положении опасно – я единственный человек, который может тебе помочь, и погубить тебя одновременно. Дальше, нам необходимо встретиться и все обдумать, и ты мне должен все рассказать без увильваний и утаек: где, сколько, когда, с кем, зачем, почему? Понял? Причем желательно подробно. Понял подробно? Ты меня знаешь: от меня ничего невозможно утаить, поэтому тебе необходимо слушаться меня во всем для твоей же пользы, ведь мы еще можем стать хорошими друзьями, а может быть и компаньонами.

– Вот что, Еременко, завтра в семнадцать ноль ноль на Тверской у Елисеевского магазина. Приходи, если хочешь решить эту проблему.

– Володь, ты не в том положении находишься, чтобы что-то диктовать, пойми...

– Семнадцать ноль ноль у Елисеевского, завтра, все, – зло сказал Пирогов и положил трубку.

После этого телефон звонил еще несколько раз с небольшими интервалами, но Пирогов не поднимал трубку.

Теперь он знал, что Еременко догадался о многом, и от него можно было ждать что угодно. В чем был уверен Пирогов на сто процентов, так это в том, что Еременко никуда не пойдет на него заявлять, пока у него будет возможность пожить пироговскими деньгами. До отъезда оставалось все ничего – менее суток, и Пирогов надеялся, что за этот короткий отрезок времени Еременко не успеет причинить ему какой-либо вред. Пирогов надеялся в будущем ни встречаться. Ни видаться с Еременко никогда, ни при каких обстоятельствах. Но вопрос с Еременко следовало как-то решить, а у Пирогова на этот счет имелся кое-какой план, созревший уже в конце телефонного разговора с Еременко.

Тем же вечером Пирогов навестил своего друга Кирилла. Он передал ему запечатанный конверт и проинструктировал:

– Завтра в пять вечера на Тверской около Елисеевского магазина тебе нужно будет передать этот конверт одному человеку. Это такой толстый мужик, брюнет с усами, голова круглая,

на вид лет сорок пять – пятьдесят, обычно ходит в легкой серой куртке. На всякий случай спросишь: «Не Владимир ли ему нужен?». Если он ответит утвердительно, тогда передашь ему этот конверт со словами: «Здесь половина того, о чем вам известно и чем вы интересуетесь; Владимир по объективным причинам не мог придти на встречу с вами, и теперь вы можете его не искать». Если будет доставать с вопросами: можешь сказать ему, что я уехал; если спросит куда – скажешь, что не знаешь. Я тебе, как видишь, не могу сказать, куда уезжаю из-за обстоятельств, невыгодно сложившихся для меня. Главное сделай так, как я тебя прошу, иначе мне может быть очень плохо. А вот это тебе.

Пирогов достал из нагрудного кармана рубашки несколько сложенных купюр – всего тысячу долларов и протянул другу. Кирилл с несколько растерянным видом взял деньги.

– Откуда у меня это, лучше не спрашивай, – сказал Пирогов.

Глава 3

Пирогов уехал в Санкт-Петербург.

Загадочный город с диковинными каналами, разводными мостами, серым мрачным небом, отличающийся своим особым неповторимым духом, о котором так много любят говорить сначала казался Пирогову ловушкой. Бессознательно, на каком-то сверхестественном уровне он ощущал всю искусственность, противоестественность этого города, построенного по воле одного человека в месте, где не приходило в голову до этого возводить города, тем более столицы; и во всем этом ему виделась собственная искусственность и неестественность положения абсолютно свободного от всего и всех человека. Эта свобода казалась ему невероятной, страшной, готовой в любой момент обернуться какой-нибудь катастрофой. Но прошло несколько дней, и он привык к этой свободе, ему начало нравится это состояние, которое дано ощутить не каждому, а потом ему показалось, что он без этого ощущения не сможет дальше жить.

Из той, старой жизни его никто не беспокоил, и он мог теперь жить так, как ему хотелось. Он снял на неделю номер в гостинице, потом решил остаться там еще на неделю. За это время он неплохо расслабился, проводя свободное время в ресторанах и бильярдных, заводил ни к чему не обязывающие знакомства.

Но потом появился новый страх. Страх того, что деньги рано или поздно закончатся и тогда придется вновь стать таким же, как и прежде обычным человеком с низким достатком. Пирогов очень быстро привык к хорошей жизни и вошел в образ беззаботного состоятельного господина, с которым было жалко расставаться.

За время пребывания в Петербурге Пирогов ради праздного любопытства успел посетить дюжину самых дорогих ресторанов, изучая их рацион и обстановку, и облюбовал один ресторан, расположенный в центре города. Это был ресторан с довольно широким просторным залом, интерьер которого был устроен исключительно в золотисто-желтых и белоснежных цветах. На небольшой сцене играли музыканты: пианист и саксофонист, и пела молодая певица в белом платье.

Пирогов заказал рыбное блюдо и белое вино. Хорошая музыка, приятная обстановка, прекрасный обед – все, что может быть доступно только аристократу. И это не на один день, не на два. Этот сон продолжает уже больше недели. Пирогов думал о том, что он аристократ; о том, что это особенное состояние души; и о прочих приятностях. Взгляд его бесцельно блуждал по залу. Люди, стены, столы сливались в едином причудливом калейдоскопе. Вот снующие белые пятна с черными пачками – официанты. Вот мерцающее продолговатое пятно – певица. Мерцающие черные, серые пятна – посетители. «Белое, черное, серое – признак консерватизма», – заметил про себя Пирогов. И двигаются все как-то в такт музыке: не спеша, лениво. Странное зеленое пятно. Что это? Пирогов всмотрелся. Девушка. Интересная, молодая в зеленом костюме. Пирогов с детства не переносил зеленый цвет, но этот, скорее изумрудный, еще можно было стерпеть. К тому же ему очень понравились длинные вьющиеся волосы русого цвета. Возникло желание познакомиться, но Пирогов не мог придумать предлога для знакомства. Наконец он заметил, что девушка сама смотрит в его сторону, и тогда он решился перейти к решительным действиям. Он встал из-за стола и подошел к столику, где сидела девушка.

– Простите, мы уже кажется где-то встречались? – первое, что пришло в голову Пирогову.

– Разве? – без удивления сказала девушка.

– Мне кажется, что встречались. Может быть я присяду? – спросил Пирогов.

– Пожалуйста.

Пирогов сел напротив. Так, вблизи, она показалась ему еще более интересной и красивой.

– Владимир, – представился Пирогов.

- Елена.
 - Интересно.
 - Что? – не понял Елена.
 - Это я так, спутался мыслями, немного.
 - И часто с вами такое бывает?
 - Не знаю, не обращал как-то внимания.
- Елена по-доброму усмехнулась. Пирогов тоже.
- Ну, вот и познакомились, – сказал он.

Они принялись болтать о разных пустяках, пока Пирогов не решился навести кое-какие справки:

– Совсем не подумал сразу спросить: не нанесу ли я вред вашей репутации, находясь рядом с вами в таком прилюдном месте?

- Какой вред?
- Ну, может быть вашему мужу или другу это не понравилось бы.
- У меня нет мужа.
- Значит, в настоящее время вы полностью свободны.
- Не совсем.
- Что значит не совсем? Так не бывает.
- Бывает.
- Может объясните.

– У меня есть близкий человек. А вернее я не могу понять: есть или был. Мы с ним недавно поссорились, и я даже не знаю, помирится ли теперь.

– Это действительно нередко случается, и, как правило, кончается миром. А вы не могли бы рассказать о нем.

– Он милый и добрый, но существуют кое-какие комплексы, которые он не может преодолеть. Дело в том, что я из обеспеченной семьи, а мой Васенька не совсем. Хотя у него тоже хорошая семья, интеллигентная, его родители инженеры, но, к сожалению, это люди с очень устаревшими взглядами и низким достатком. От этого Васенька страшно комплексует и нервничает.

Пирогов едва удержался, чтобы не усмехнуться, когда услышал о родителях инженерах.

– Интересно. У меня родители, между прочим, тоже инженеры, – сказал он.

– Бывает же такое, – удивилась Елена и улыбнулась.

– Видимо, последняя ваша ссора произошла также из-за низкого достатка вашего Васеньки? – предположил Пирогов.

– Почти. Он просил, чтобы я попросила маму устроить его на работу в ее фирму. Но я не торопилась просить об этом маму, так как она и так плохо к нему относится. Я хотела ее как следует сначала подготовить к этому, сделать что-то, чтобы у нее сложился более положительный образ Васеньки. Но ему все не терпелось, он постоянно упрекал меня в том, что я как будто мало люблю его, и вообще, плохо отношусь к нему из-за того, что у него низкий достаток.

– Жаль мне вас, пропадете вы с этим Васечкой. Вот у меня совсем другие взгляды на этот вопрос. Я считаю, что мужчина должен содержать семью, или, во всяком случае, иметь равный заработок с доходами партнера: равноправие, в принципе, тоже неплохо – я не домостроевец.

– Вам легко говорить, поскольку у вас с доходами все в порядке, как я понимаю, но, к сожалению, таких как вы мало.

– Может быть, об этом я как-то не задумывался. Наверное вы правы. Все люди нуждаются в любви, а если искать любимого человека только в своей среде, то это может оказаться бесполезным и безрезультатным. Наверное, любовь – это такая штука, которая своей невидимой силой готова соединять несоединимое, – решил пофилософствовать Пирогов.

– Красиво говорите. Это вы честно?

– Вполне. Впрочем, должен признаться, что, тем не менее, своего, скорее негативного отношения к альфонсам, я не изменил, – признался Пирогов. – Хоть достоинство может быть и не самое главное, все равно оно должно быть.

– Вот и у Васеньки моего проблемы все из-за его якобы ущемленного достоинства.

– Вы так думаете?

– Предполагаю. Может быть закажем что-нибудь, я заплачу.

– Ни в коем случае, этого я вам не позволю. Заказывайте, что хотите.

– Что-нибудь выпить? Может красное вино?

– Замечательно.

– Не пора ли переходить на ты? – спросила Елена хитро улыбнувшись.

– Пора, – согласился Пирогов.

Елена сделала паузу. Официант принес вино и заказанные блюда. Они продолжали свой разговор, забыв о времени, о делах.

– Если не секрет, чем занимаешься? – поинтересовалась Елена.

– Бизнесом.

– Это понятие очень растяжимое.

Пирогов немного задумался, после чего сказал:

– Я инвестор из Москвы.

– Ух ты, первый раз встречаю живого инвестора, а так много слышала об инвестициях.

Пирогову показалось, что он переборщил и попробовал выкрутиться.

– Ну, это как бы не совсем точное определение моей деятельности. Просто не нашлось более точного понятия.

– А я подумала, что ты предприниматель.

– Давно уже собираюсь заняться собственным делом. В принципе, для этого я и приехал в Петербург. Подыщу какое-нибудь предприятие, в которое стоит вложить средства. Наш инвестиционный фонд переведет деньги, развитием предприятия я займусь лично и постепенно подведу все это дело под себя.

– А это реально?

– Более чем. В фонде лежат и мои деньги, так что я там не на последних ролях.

– Здорово. Как же сыну простых советских инженеров удалось достичь таких успехов в бизнесе?

Пирогов не нашелся, что сразу ответить и после недолгой паузы спросил:

– Хочется узнать рецепт моего обогащения?

– Очень.

– Сложного ничего нет. Знание конъюнктуры рынка, хорошие знакомства, немного удачи и много труда.

Елена посмотрела на часики на руке и сказала:

– Половина четвертого. Мне пора собираться.

– Уже, жаль.

– Мне тоже.

– Если бы не Васечка, обязательно набрался бы смелости попробовать взять твой номер телефона.

Елена встала из-за стола.

Да, Васенька – боль души моей. Что мне с ним делать не знаю. Может еще все наладится. Но телефон обязательно дам, – сказала она, вынула из сумочки визитку и протянула Пирогову.

Пирогов взял визитку.

– Только давай договоримся, если, когда ты мне позвонишь, рядом со мной будет Вася, я скажу: я не Катя, вы ошиблись номером. Это будет сигналом, что мне пока звонить нельзя. Договорились?

– Хорошо.

– Тогда пока.

– Пока.

Елена направилась было к выходу, но неожиданно вернулась обратно.

– Позвонишь? – спросила она, игриво улыбнувшись.

– Непременно, – ответил Пирогов, тоже улыбнувшись.

– Тогда еще раз счастливо.

– Счастливо.

И Елена направилась к выходу. Костюм плотно обтягивал изящную фигуру и Пирогов подумал: «Зрелище не для слабонервных».

Когда Елена скрылась из вида, Пирогов взглянул на визитку. На материале золотистого цвета изящным курсивом синим цветом было написано:

Сеть салонов красоты

«Афродита»

Красносельцева Елена

Генеральный директор

и номер телефона

– Генеральный директор, значит, – удивленно произнес Пирогов.

В тот вечер он долго не мог уснуть. Он лежал на кровати в одежде у себя в номере в темноте и думал. До этого у него еще ни разу не было серьезного романа ни с одной женщиной. Конечно, у него были женщины, может с некоторыми из них он обходился не очень хорошо; но он всегда оправдывал себя тем, что никогда не давал им каких-либо обещаний, никогда не клялся в любви до гроба. Пирогов не любил слово влюбиться, и был уверен, что с ним происходит что-то другое. Но что? Может быть интерес? Здоровый мужской интерес. Это, наверное, ближе к истине. Вроде бы он разобрался с самим собой – все равно он никак не мог заснуть: образ Елены не давал ему покоя. С трудом справившись с наваждением Пирогов заснул в третьем часу ночи.

Сон был тяжелым. Он долго ничего не видел. Одно лишь давящее ощущение тяжелой пустоты. Потом ему привиделось, будто бы он находится в незнакомом доме. Очень темно, поэтому почти ничего не видно. Он находился в коридоре: длинном, узком, по обе его стороны тянулись ряды запертых дверей. Он шел вперед. С левой стороны показалась едва приоткрытая дверь. Он подошел к ней, открыл ее и вошел в небольшую комнату. Слева у стены была небольшая узкая кровать; прямо – не занавешенное окно; справа – гардероб или шкаф, ближе к двери вешалка, настенная, на которой, на обычной вешалке, висел женский костюм. Вглядевшись, Пирогов понял, что это тот самый костюм, в котором была Елена в ресторане. Пирогов перевел взгляд на кровать: на ней кто-то спал, полностью укрывшись одеялом. «Елена», – первая мысль, которая пришла Пирогову в голову. Он подошел к кровати и начал убирать одеяло с головы спящего. Он не сразу разобрал, что это было, потому что было очень темно. Только когда голова с бока повернулась в его сторону, он более отчетливо разглядел круглую голову Еременко. Еременко открыл глаза и сказал спокойно:

– Вовка, не дури, у меня под подушкой ствол.

Пирогов проснулся, вскочив от ужаса. Он понял, то кричал, так как услышал за стеной недовольный ропот.

А ведь он уже почти забыл о Еременко. А что если тот все еще ищет его? Этот странный, страшный сон заставил его вернуться мыслями в недалекое прошлое. «Нет, не может Еременко меня искать. Если бы искал, давно бы уже нашел – времени прошло уже прилично», – успокоил себя в конце раздумий Пирогов.

Это был всего лишь ночной кошмар, а сон под названием «Пирогов в Петербурге» продолжается. Кто он был в этом видении наяву? Липовым аристократом или может быть влюбив-

шимся тайным богачом? Он и сам не мог разобраться. Он осознавал только одно, что жить в этой реальности ему было намного приятней, чем в той, из которой он уехал несколько жней назад.

Пирогов потянулся, потянув руки вверх, зевнул; после чего вновь упал затылком в подушку: подниматься желание не было. Несколько минут он лежал в полудреме и мечтал, пока не зазвонил телефон.

Этот звонок испугал его, потому что он был уверен, что никто не должен знать о его местонахождении, никто из тех, кому могло бы понадобиться ему звонить. Неужели его нашли?

Пирогов подождал, когда прекратится звонок, но спустя минуту после того как телефон замолчал, он вновь разразился новой нервной трелью.

Пирогов взял трубку.

– Владимир? – услышал он знакомый голос.

– Да.

– Это Михаил, вы просили меня поискать журналы, если вы уже не спите, я мог бы доставить их вам.

– Конечно, я буду ждать.

Пирогов почувствовал приятное облегчение. Он забыл, что вечером прошедшего дня, вернувшись с прогулки, попросил порттье найти для него журналы о досуге. Ему хотелось найти какой-нибудь хороший бильярдный клуб, где можно было бы приятно отдохнуть в хорошем обществе.

Ему доставили несколько журналов, и он принялся выбирать. Выбор был приличным и он не знал на чем стоит остановиться. К тому же желание пойти в бильярдный клуб постепенно несколько ослабло: он не являлся мастером этой игры и его интерес к ней подогревался больше праздным любопытством. Хотя ему все равно заняться было нечем, и поэтому следовало найти себе какое-нибудь занятие на день. Думая об этом, Пирогов вспомнил о визитной карточке, которую ему дала Елена, и тут же набрал ее номер телефона.

Елена быстро ответила на сигнал:

– Я не Катя, вы ошиблись номером.

И отключила связь.

«Значит, с этим Васей сейчас», – понял Пирогов.

Никаких мыслей о проведении досуга кроме бильярда ему не приходило в голову и ото-бедав от отправился в бильярдный клуб.

Глава 4

Пирогов, заплатив за аренду бильярдного стола, принялся в одиночку гонять шары. В клубе было много бильярдных столов, расположенных в два длинных ряда, вдоль стен углом тянулись маленькие столики, за которыми мало кого можно было обнаружить; большинство посетителей редко отвлекались от игры; в одном из углов находился бар. Пирогов занял стол в ряду у окна, ниже которого была устроена специальная стойка, на которую он ставил бокалы с соком или коктейлем. Сам с собой Пирогов сыграл с десятков партий и интерес к игре стал угасать. Мелькнула мысль, что может быть пропадет интерес не только к игре в бильярд, но и к игре в подпольного миллионера – прожигателя жизни? Или может быть надоело одиночество? Эту мысль Пирогов отбросил быстро. «В моем положении лучше вообще не иметь близких друзей, чем довериться непроверенному человек», – тут же решил он. Дружба, на его взгляд, влекла за собой целый ряд опасностей: с друзьями принято делиться своими проблемами и мыслями; можно, конечно, тщательно фильтровать свою речь, но после принятия спиртного эта задача значительно усложняется, а какая дружба может быть у нас без бессонных пьяных ночей, без хмельных беспредельных исповедей и плаканий в жилетку. «С дружбой надо повременить, если она вообще нужна», – подумал Пирогов, оттянул руку с кием для удара, ударил. Это был легкий шар, но он не попал в лузу, а только лишь затрепыхался меж углом лузы и откатился чуть в сторону. «Это, наверное, из-за того, что я слишком много думаю последнее время», – подумал Пирогов, на всякий случай огляделся вокруг. Все-таки американский бильярд имел большие лузы, и не хотелось выглядеть полным нулем в глазах местной публики. Кажется, никто не заметил его осечки. Слева и прямо играли пары мужчин, которые вели себя очень сдержанно и серьезно; что подалеже слева сгруппировалась троица молодых людей, которые вели себя более развязно: двое из них то и дело подтрунивали над третьим высоким дылдой с длинными рыжими волосами, когда тот вступал в игру; справа было меньше народу и спокойно, но один странный тип, игравший через стол справа, все же привлек некоторое к себе внимание. Нескладно сложенный, с маленькой шеей, ботаническими очками на румяном лице, с причудливой прической, похожей на стрижку под горшок, этот тип также играл в совершенном одиночестве, как и Пирогов; правда, он иногда перекидывался словами с соседями и часть, если не постоянно, улыбался. Пирогову показалось, что тип улыбается очень неприятно, вызывающе, по-идиотски. Пирогов продолжил играть, краем глаза наблюдая за эксцентричным типом. Белая рубашка с длинным рукавом, галстук, черные брюки – прикид преуспевающего делового человека; менеджера или может быть предпринимателя. Хотя, может быть, за всем этим стоит откровенное пускание пыли в глаза? Ради какой-либо корысти. Сомнительно: если бы этот тип играл роль, тогда, скорее всего, он вел бы себя несколько серьезнее, а он наоборот не боится выглядеть легкомысленным или это его естественное состояние. Значит, скорее всего, и в самом деле деловой. Пирогову в жизни приходилось сталкиваться с хорошо обеспеченными людьми, за которыми водились разные странности – состояние это еще далеко не признак большого ума или здравомыслия. Странный тип как будто заметил наблюдение за ним Пирогова, и сам часто начал поглядывать в его сторону. Стол, разделявший их, никем не был занят, и скрыть свое поведение друг от друга было трудно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.